

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ «STALKER»!

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Алексей КАЛУГИН

ШАМАН

Сезон Катастроф

Алексей Калугин

Шаман

«ЭКСМО»

2014

Калугин А. А.

Шаман / А. А. Калугин — «Эксмо», 2014 — (Сезон Катастроф)

Сезон Катастроф продолжается! Группа сталкеров «Квест-13» отправляется в новую аномальную зону. На этот раз она образовалась в Австралии. В самом центре зоны находится легендарная скала Улуру. Особенность аномалии – абсолютная тишина. По пустыне, лишенной любых звуков, сталкеры продвигаются с максимальной осторожностью. Они не подозревают, что знаменитый Генрих Зунна при помощи местного шамана пытается открыть проход в загадочное Время Сновидений, населенное чудовищами из оживших мифов австралийских аборигенов...

© Калугин А. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Калугин

Шаман

© Калугин А. А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

*Центр Изучения Катастроф
Минус-третий уровень. Виварий*

Зевул сидел посреди вивария, вульгарно раскинув в стороны задние конечности, меж которыми красовались здоровенные причиндалы, и, задумчиво глядя в потолок, меланхолично пережевывал кисть руки с таинственно поблескивающей золотой печаткой перстня, будто прилипшей к среднему пальцу. По полу ползали пупырники, похожие на большие, темно-фиолетовые, бесформенные мармеладины, присыпанные мелкой галькой. Зевулу до пупырников дела не было. То ли потому, что они были родом из разных зон, то ли потому, что у зевула имелось еще что пожрать – неподалеку от чудовища в луже крови лежал обезглавленный труп охранника. Зевулу было неведомо, что, забравшись под одежду, труп уже пожирали гигантские панцирные сколопендры, из-за чего казалось, что мертвое тело то и дело предпринимает неуверенные и неловкие попытки подняться. Сверху над всем этим хаосом парили шесть или семь радужных, переливающихся яркими кислотными цветами парашютиков, каждый размером с две сложенные вместе ладони. Парашютики были паразитами. Паря в воздухе, они терпеливо ждали, когда хищники закончат трапезу, чтобы опуститься вниз и полакомиться остатками.

Светлана с ужасом наблюдала за тем, что происходило в виварии, спрятавшись в раздевалке и осторожно выглядывая в щелку чуть приоткрытой двери. Ей была видна лишь малая часть огромного виварного помещения, занимающего большую часть минус-третьего уровня Центра Изучения Катастроф. За виварием располагался научный отсек с десятком профильных лабораторий и небольшим конференц-залом. Рано утром там, скорее всего, никого не было. Разве что пара младших научных сотрудников, порой допоздна засиживающихся в лаборатории, да так и остающихся там на всю ночь. Эта парочка энтузиастов хотела знать результаты раньше других. К тому времени, когда в лабораторию являлись остальные сотрудники, у них уже была готова не только распечатка с результатами эксперимента, но и предварительный анализ полученных данных плюс парочка рабочих гипотез, объясняющих если и не все на свете, то очень многое из того, что остальным казалось непонятным. Заведующий лабораторией относился к этой парочке со снисхождением. Он был уверен, что именно из таких энтузиастов вырастают настоящие ученые. Игнорируя недовольство, уже неоднократно высказываемое начальником охраны, требовавшим, чтобы работники, остающиеся в лаборатории на ночь, имели на это разрешение, заверенное его, Рудина, подписью, завлаб смотрел сквозь пальцы на то, что сотрудники без высочайшего на то соизволения дни и ночи проводили на рабочем месте. Его интересовали в первую очередь результаты. А требования, предъявляемые к работе лаборатории начальником охраны Рудиным, казались завлабу надуманными и по большому счету абсолютно бессмысленными. Сам он не видел никакой угрозы в том, что пара молодых парней будет всю ночь пялиться на то, как работает секвенатор, строя при этом предположения о происхождении обитателя вивария, чей геном в данный момент расшифровывался. Если эти двое находились сейчас в лаборатории, оставалось лишь надеяться, что они успели вовремя заметить, что творится в виварии, и заперли двери прежде, чем к ним в гости пожаловала какая-нибудь плотоядная тварь, доставленная из аномальной зоны, возможно, по их же просьбе.

Прожевав кисть руки с перстнем на пальце, зевул довольно рыгнул и потянулся одной из четырех своих передних конечностей к безголовому телу. Вынырнув из-под завалившейся набок стойки, стайка веретенголовых ящериц недовольно, на шесть голосов затявкала на зевула. Ящерицы явно считали добычу своей и не собирались ею ни с кем делиться. Взмахом

лапы, кривой, будто скрюченной ревматизмом, но вооруженной длинными, острыми когтями, зевул откинул в сторону парочку ящериц. Остальные сами почли за лучшее скрыться, чтобы не переводить конфликт в острую фазу. Ухватив обезглавленное тело охранника за ворот, зевул принялся трясти его с такой силой, что из рукавов посыпались на пол сколопендры. Сколопендры зевулу не понравились, и он принялся давить их сразу тремя свободными конечностями. Двух или трех ему удалось прихлопнуть. Но остальные разбежались по сторонам, будто рассыпав при этом несколько пригоршней сухого, трескучего гороха – это их когтистые лапки стучали по кафелю. Довольно рыкнув, зевул принялся дергать из стороны в сторону руку покойного, рассчитывая таким образом оторвать ее. Чтобы дело шло живее, он уперся в тело задними конечностями, пятками размазав кровь по полу. Даже так не добившись успеха, зевул наклонился и вцепился в плечо вытянутыми, как у крокодила, мощными челюстями. Послышался хруст ломающейся кости, и довольный зевул снова фривольно расселся на полу, держа двумя передними конечностями оторванную руку. Пара средних конечностей при этом, будто в предвкушении, скребла круглый, раздутый, словно шар, белесый живот.

Зрелище было настолько омерзительное, что Светлана невольно содрогнулась. Когда зевул сидел в отведенном для него вольере, огороженном толстыми прутьями, и жевал куски мяса, что кидал ему служащий, он выглядел даже забавно. Эдакий обожравшийся сверх всякой меры бледно-розовый крокодил с парой задних лап, мощных, как у кенгуру, и двумя парами передних, которые он держал поджатыми к груди, как ти-рекс. Оказавшись на свободе, эта тварь внушала омерзение и ужас. Мало того что урод, так еще ж и здоровый, как бегемот. Должно быть, немалых трудов стоило сначала вытащить его из зоны, а потом доставить в ЦИК. Кому только такое пришло в голову?..

Светлана едва не закричала, когда что-то коснулось ее плеча.

– Тихо, – едва слышный шепот возле самого уха. – Это всего лишь я.

Прижав руку к груди, Светлана едва перевела дух.

– Ашот Самвелович... Ну и напугали...

– Тихо. – Заведующий лабораторией Багдасарян приложил палец к губам и взглядом указал на обгладывающего руку зевулу. – Что тут происходит?

– Животные разбежались.

– Это я вижу. – Багдасарян осторожно прикрыл дверь, прячась за которой Светлана наблюдала за зевулом. – Как это случилось?

– Не знаю... Я пришла чуть раньше обычного. Начала переодеваться. Услышала шум в виварии. Подошла к двери... – Девушка судорожно сглотнула.

– Ясно, – коротко кивнул Багдасарян.

– А вы?..

– Я тоже... раньше обычного... – Светлана отчетливо чувствовала запах коньяка, исходящий от завлаба. Но выглядел Багдасарян вполне бодро и собранно. – Ладно, Светочка, давайте-ка отсюда выбираться.

Багдасарян взял девушку за руку и быстро зашагал к выходу из раздевалки. За ней находился небольшой холл с кулером и аквариумом, а чуть дальше – лифтовая площадка. Подойдя к прозрачной двери, Багдасарян привычным движением выхватил из кармана карточку электронного ключа и провел ею по щели контроллера. Раздался резкий писк, и на замке загорелась красная лампочка. Раздраженно цокнув языком, завлаб снова пропустил карточку через щель контроллера. С тем же результатом.

– Попробуйте мой, – протянула свой пропуск Светлана.

Замок по-прежнему не желал открываться.

– Да что за черт, – недовольно процедил сквозь зубы Багдасарян.

Перевернув карточку, он начал вручную вводить записанный на ее оборотной стороне код.

Замок не открывался.

Багдасарян раздраженно дернул за ручку двери.

– Может быть, вызвать службу охраны? – осторожно предложила Света.

Девушка чувствовала себя не очень удобно, поскольку она была всего лишь работницей вивария, а человек, стоявший рядом с ней, являлся светилом науки. В этом не могло быть никаких сомнений – всем было известно, что Кирилл Константинович Кирсанов не брал на работу посредственностей. Владельцу и руководителю Центра Изучения Катастроф требовались только гении. Ну, или по меньшей мере выдающиеся специалисты с признаками гениальности.

– Связь не работает. – Багдасарян, не оборачиваясь, показал девушке мертвый дисплей личного телефона внутренней связи, имевшегося у каждого сотрудника ЦИКа.

Светлана достала из кармана свой телефон, нажала кнопку вызова и убедилась, что он тоже молчит.

– Наверное, что-то случилось, – шепотом произнесла она.

– Случилось, – кивнул Багдасарян. – Звери разбежались из клеток, и в целях безопасности весь уровень заблокировали! Дверь между административной секцией и лабораторией тоже не открывается. Поэтому я и собрался пройти через виварий – решил, что это просто какой-то глюк в системе безопасности. Проклятье!..

Завлаб в сердцах стукнул ладонью по стеклу, способному выдержать удар пули, выпущенной в упор. Дверь лифта находилась совсем рядом, буквально в двух шагах. Но добраться до нее не было никакой возможности. Полковник Рудин любил шутить, что система безопасности в Центре Изучения Катастроф надежнее, чем в Гуантанамо. Дошутился, мать его!.. Хотя, может, он и не шутил вовсе, а говорил абсолютно серьезно. Что с него взять – бывший гэбист. У них у всех весьма своеобразный стиль мышления, а с чувством юмора очень плохо.

– Может быть, попробовать экстренную связь?

Светлана указала на опломбированный красный ящик, висевший на самом видном месте. На инструктажах, проводимых сотрудниками охраны, работникам вивария постоянно твердили, что аппараты прямой оптоволоконной связи с координационным отделом ЦИКа предназначены для использования лишь в самых критических ситуациях. Таких, как пожар, затопление всего уровня, внезапные подземные толчки силой не менее семи баллов, угроза радиоактивного, химического или бактериологического заражения и, не приведи, конечно, случай, образование разлома. О том, что животные могут вырваться из клеток, инструкторы не упоминали. Видимо, считали подобное возможным только в случае подземных толчков, ведущих к частичному или полному разрушению уровня.

Багдасарян метнулся к красному ящику на стене, как утопающий к спасательному кругу. Он даже не заметил, что, срывая пломбу, сломал ноготь на пальце. Распахнув дверцу, он ударил по красной клавише экстренного вызова.

Прошли шесть секунд...

Десять...

– Да что ж это такое! – не то в отчаянии, не то возмущенно всплеснул руками завлаб. – Ну, ничего не работает!..

Из раздевалки послышался сначала негромкий, будто приглушенный шум. Затем резкий треск, как будто толстую палку переломили.

Чуть приоткрыв дверь, Светлана заглянула в раздевалку.

Толстая псевдозмея из Камерунской зоны обвилась вокруг скамьи и сдавливала ее в своих кольцах. А через распахнутую дверь вивария в раздевалку пытался протолкнуть свое бесформенное тело черномыльский слепыш.

Светлана захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. По выражению ее лица Багдасарян понял, что происходит что-то очень нехорошее.

– Раздевалка запирается?

– Нет.

Багдасарян ухватился за стойку кулера и потащил ее к двери. Светлана кинулась ему на помощь.

Через пару минут дверь в раздевалку подпирала не очень-то убедительная, имевшая скорее чисто символический характер баррикада из кулера, журнального столика и пяти пластиковых кресел. Ясно было, что вырвавшихся из клеток монстров надолго она не задержит.

Единственный открытый выход из холла вел в обход вивария в административный сектор. Прежде оттуда можно было попасть в лабораторию через дверь, которая, по словам Багдасаряна, теперь тоже была заблокирована. Но поскольку другого пути все равно не было, Светлана с завлабом побежали в направлении его кабинета, который оставался единственным местом, где можно было укрыться.

Пропустив девушку вперед, Багдасарян захлопнул дверь и дважды повернул барашек замка.

Глава 2

– В принципе можно притвориться, что здесь мы в безопасности, – саркастически усмехнулся завлаб. – Присаживайтесь. – Он пододвинул девушке стул.

Подумав немного, он повернул его спинкой к висевшей на стене репродукции картины Васнецова «Воины Апокалипсиса».

– Это ведь скоро закончится? – с надеждой посмотрела на него Светлана.

– Не знаю! – честно признался Багдасарян. – На моей памяти такое впервые!

– Раньше звери не вырывались из клеток?

– Раньше уровень никогда не блокировали!

Багдасарян обежал письменный стол и упал в кресло. Запустив руку в правую тумбу стола, он выудил оттуда початую бутылку коньяка.

– Будете? – посмотрел он на девушку.

– Нет, – мотнула головой Светлана.

– А я выпью. – Багдасарян поставил рядом с бутылкой помятый пластиковый стаканчик и наполовину наполнил его коньяком. – Нервы успокаивает, – сказал он и залпом опорожнил стаканчик.

Поставив пустой стаканчик на стол, он резко выдохнул и неожиданно улыбнулся.

– Вы ведь у нас недавно? – с интересом посмотрел он на Светлану.

Девушка молча кивнула.

– Я слышал, квестеры нашли вас в одной из аномальных зон. Вы – единственная выжившая.

– Со мной были еще двое детей, – уточнила Светлана.

– Ваши?

– Нет. Мы случайно оказались вместе.

– Что это была за зона?

– Номер тридцать три, аномальный холод. Целый город замерз.

– А вы, имея на руках двоих детей, сумели выжить?

– Мне просто повезло.

– Не думаю. – Багдасарян плеснул в стакан еще немного коньяка и тут же выпил. – Если у вас такой богатый опыт выживания, скажите, что нам сейчас делать?

– Я не знаю, – качнула головой Светлана. – Наверное, лучше всего затаиться и ждать спасателей.

– Или голодных зверей, – криво усмехнулся Багдасарян.

– Вы думаете, никто не знает, что здесь произошло?

– Полагаю, что знают. Но никто не знает о том, что здесь есть живые люди. Иначе бы за нами давно уже пришли. Чего уж проще! – Завлаб указал рукой на запертую дверь. – Телефоны, которые есть у каждого из нас, снабжены чипами, по ним можно моментально определить местонахождение любого сотрудника в пределах ЦИКа! Между тем связь отключена, а двери заблокированы. Зачем, скажите мне на милость, блокировать двери, которые звери все равно не могут открыть? У них ведь нет ключей!

Светлана непонимающе пожала плечами.

– А знаете, почему это происходит? – Багдасарян откинулся на спинку кресла. – Потому что нас уже считают мертвыми!

– Но... мы же живы...

Это прозвучало почти как вопрос. Как будто Светлана хотела удостовериться, что не ошибается.

– Все зависит от точки зрения, – уверенно заявил Багдасарян. – С нашей с вами точки зрения, мы, разумеется, все еще живы. С точки зрения тех, кто находится там, – завлаб пальцем указал на потолок, – мы уже мертвы. Готов поспорить, что операцией по наведению порядка в секторе руководит наш бравый полковник Рудин. Самолично, так сказать... И, готов поспорить, он прекрасно знаком с таким понятием, как сопутствующие потери!

– Сопутствующие потери?..

– Это все те, кто случайно оказался на территории боевых действий. То есть мы с вами. Рудин сейчас, скорее всего, разрабатывает план, как с минимальными потерями среди личного состава навести порядок в секторе. Спасать нас он не собирается. Мы для него – лишняя проблема. Поэтому он заранее списал нас в расход. Связь отрубили для того, чтобы мы вдруг не надумали кому-нибудь позвонить.

– Но для чего нужно было запирали нас в секторе? Мы ведь могли и сами выбраться.

– Логика таких людей, как Рудин, непросто понять. Скорее всего, у них вообще нет никакой логики, только инстинкты. – Багдасарян снова взял в руку бутылку, но, подумав, поставил ее на место. – Возможно, Рудин опасается, что если мы выберемся из сектора сами, то это может поставить под сомнение его профессиональную репутацию.

– Каким образом? – непонимающе сдвинула брови девушка.

– Ай, не забивайте этим голову, Светочка! – махнул рукой Багдасарян. – Рудин того не стоит! В значительно большей степени меня интересует другой вопрос: каким образом животные смогли выбраться из клеток? Насколько мне известно, все клетки открываются и закрываются с пульта, расположенного в комнате охраны. Эту систему все тот же Рудин проталкивал.

– Совершенно верно. Каждый раз, когда работнику вивария нужно открыть ту или иную клетку, он сообщает об этом охраннику, ставит подпись в соответствующем журнале, которую подтверждает заведующий виварием, и только после этого охранник открывает клетку. Когда рабочий день заканчивается, охранники запускают таймер и двумя ключами блокируют пульт управления клетками. Что бы ни случилось, до начала следующего рабочего дня невозможно открыть ни одну из клеток.

– Закрываются клетки автоматически?

– Да. Замок срабатывает сам, как только дверца встает на место. Тут же подается сигнал на пульт охранника, и тот производит блокировку замка.

– То есть открыть все клетки сразу иначе как с пульта невозможно?

– Абсолютно исключено.

– И все же это случилось. – Багдасарян задумчиво поджал губы и щелчком сбил со стола пустой стаканчик. – Вы видели охранников? Я имею в виду, сегодня, когда пришли на работу?

– Только одного. Его ел зевул.

– А всего их?..

– Четверо.

– Если все четверо погибли, тогда никто никогда не узнает, как так вышло, что клетки оказались открыты.

– А что, если на самом деле что-то случилось?.. Что-то ужасное?..

– Очередной вселенский катаклизм, в центре которого мы оказались? – Багдасарян скептически поджал губы и покачал головой. – Дорогая моя, я – ученый, а потому привык мыслить конкретно и без эмоций. Даже если бы возникли перебои с электричеством – а, как мы видим, свет все еще горит, – клетки вивария все равно остались бы закрытыми. Для того чтобы их открыть, нужно подать команду с пульта охраны. Да еще предварительно, как вы сами сказали, активировать пульт с помощью ключей, находящихся у двух охранников. Выходит, мы имеем дело не с аварией и не со случайной ошибкой, а с диверсией или провокацией. Логично? – Завлаб кивнул и сам же ответил: – Логично! Идем дальше. Какой интерес может представлять для диверсантов виварий и научный отдел при нем? Абсолютно никакого! Нет, конечно же, данные,

которые мы здесь получаем, имеют огромное научное значение! Вот только у ученых обычно нет привычки нападать на лаборатории своих коллег, для того чтобы завладеть результатами их исследований. К тому же Центр настолько хорошо защищен, что, для того чтобы взять его штурмом, необходима армия с тяжелой артиллерией и поддержкой с воздуха. А посему рискну сделать предположение, что мы имеем дело с внутренним врагом. И беспорядки в виварии – это лишь отвлекающий маневр, нужный для того, чтобы расчистить площадку для деятельности где-то в другом месте. Логично?..

– Я не знаю, – честно призналась Светлана.

– Собственно, я и не ожидал другого ответа, – усмехнулся Багдасарян.

В дверь что-то ударило снаружи. Удар был не очень сильный, как будто тот, кто находился по другую сторону, пока только принаравливался, проверяя дверь на прочность.

– Ну, вот! Началось! – нервно дернул плечом Багдасарян. – Есть интересные идеи, Светлана?

– Я знаю, что нужно делать.

– Да ну? – удивленно вскинул брови завлаб.

– Мы должны вернуться в виварий!

– Отличная идея! Там нас сразу же сожрут, и мы избавимся от мучительного ожидания!

– Клетки! – Светлана сорвалась с места, подбежала к столу и оперлась на него руками. – Замки срабатывают автоматически! Если мы заберемся в одну из пустых клеток и захлопнем за собой дверь, ни одна тварь не сможет до нас добраться!

– Вы это серьезно? – недоверчиво прищурился Багдасарян. – Я только краешком глаза взглянул на то, что происходит в виварии, и мне уже сделалось не по себе.

– У вас есть другое предложение?

В дверь снова что-то стукнуло.

– Как, по-вашему, – покосился на дверь завлаб. – Кто это?

– Понятия не имею, – тряхнула волосами Светлана. – Но, если мы хотим остаться в живых...

Глава 3

– Разумеется, хотим! – Багдасарян выдвинул ящик стола и окинул взглядом его содержимое. – Никому не нужный хлам, – констатировал он.

Однако, покопавшись в столе, он все же выудил оттуда костяной нож для бумаги – подарок кого-то из коллег на прошедший Новый год – и невесть как там оказавшуюся зажигалку. Нож он сунул за пояс – оказывается, даже игрушечное оружие придает некоторую уверенность, – а зажигалку кинул Светлане – кто знает, быть может, пригодится.

Светлана перевернула стул и поставила его на стол вверх ножками. Потянув за одну из ножек, она попыталась ее отломить. Мебель, как и все остальное в ЦИКе, была самая лучшая. То есть не только красивая и удобная, но еще и прочная. Багдасарян ухватился за другую ножку, и вместе им удалось справиться со стулом. У каждого в руках оказалась короткая, загнутая на конце, крепкая металлическая палка. Может, и не самое лучшее оружие, но за неимением лучшего вполне пригодное для ближнего боя. Во всяком случае, тем, кто держал ножки стула в руках, очень хотелось в это верить.

– Так, теперь послушайте меня! – Светлана показала завлабу ладонь. – Не стоит первым нападать на животное! Даже если вам кажется, что оно ведет себя агрессивно. С его стороны это может оказаться всего лишь защитной реакцией...

– Милочка, – снисходительно улыбнулся Багдасарян. – У меня, между прочим, два университетских образования. И о животных мне известно гораздо больше, чем вам.

– Не сомневаюсь, – не стала спорить Светлана. – Когда последний раз вам приходилось иметь дело с живым зверем, не зафиксированным на лабораторном столе?

– Уела, – вынужден был признаться завлаб.

– В таком случае, делайте так, как я говорю. Не нападайте первым, но если уж схватитесь, так бейте до тех пор, пока животное само не побежит от вас. Проявление жалости или снисхождения будет расценено им как слабость и спровоцирует новую атаку.

– Откуда вы все это знаете? – улыбнулся Багдасарян.

– Кайзер рассказывал.

– Кто такой Кайзер?

– Уборщик в виварии.

– Такой тощий и лысый?

– Да. Он прежде работал укротителем в цирке. Кайзер – его сценический псевдоним.

Снаружи в дверь ударили так, что хрустнули дверные петли. Как будто какое-то массивное тело врезалось в нее с разбегу.

– Все! – Багдасарян сгреб со стола бутылку. – Чем дольше мы здесь прячемся, тем больше этих тварей соберется под дверью! – Глотнув из горлышка, завлаб заткнул бутылку пробкой и сунул ее в карман халата. – Пошли!

Они подошли к двери. Замерли, прислушиваясь. Из коридора доносилась приглушенная возня и вроде бы цоканье копыт по плиткам пола.

– Кто у нас с копытами? – шепотом спросил Багдасарян.

– Дося, – так же тихо ответила Света.

– Какая еще дося?

– Кен-кен из восемнадцатой зоны.

– Так дося или кен-кен?

– Зверь – кен-кен, а Дося – это его имя.

– Вы что, им имена даете?

– Не всем. – Светлана испугалась, решив, что завлабу не понравилась идея с именами. – Зевула никак не зовут. Он так зевул и есть.

Багдасарян неодобрительно цокнул языком и очень осторожно повернул барашек замка.

В ту же секунду дверь с треском отлетела в сторону, едва не прибив завлаба, и в кабинет влетел приземистый, но крепкий зверь с короткими, расставленными в стороны ногами. Споткнувшись о поваленный стул и едва не упав, он все же как-то исхитрился запрыгнуть на стол и тотчас же развернулся мордой к людям. Морда у зверя была черная, широкая, сплюснутая и вся покрытая складками, будто заношенный кирзовый сапог. Глаз, прятавшихся в глубоких складках, видно не было. Зато изо рта, похожего на глубокий разрез или трещину, торчали с каждой стороны по четыре устрашающего вида клыка.

– Ах, ты!..

Багдасарян замахнулся на зверя ножкой стула.

– Стойте! – махнула на него рукой Светлана. – Это же Дося!

– Ничего себе Дося, – растерянно опустил ножку стула завлаб.

– Она, наверное, прибежала сюда, чтобы спрятаться.

– Она не опасна?

– Ну, в клетке она вела себя мирно.

– В клетке и я бы, наверное, притих...

Не спуская взгляда с замершей, будто чучело, на столе Доси, Багдасарян попятился к выходу.

– Осторожно! – схватила его за локоть Светлана.

У порога кабинета растеклись по полу две небольшие лужицы фиолетовой слизи.

– Что это? – шепотом спросил Багдасарян.

– Не знаю, – так же тихо ответила Светлана. – Но, думаю, лучше в них не наступать.

На поверхность одной из лужиц всплыл круглый глаз с красными прожилками на склере. Сделав круг, глаз замер, уставившись на людей.

– Не нравится мне его взгляд. Недобрый он какой-то.

Боком, прижимаясь спиной к стене, Багдасарян, а следом за ним и Светлана обошли фиолетовые лужицы.

Глаз с тоской посмотрел им вслед и исчез.

Багдасарян выглянул в коридор.

Навстречу ему, извиваясь, бежало странное существо, похожее на змею, собранную из множества кое-как соединенных между собой деталек конструктора. И змея эта именно не ползла, а бежала, шустро перебирая множеством коротких тоненьких ножек. Впереди у нее имелась треугольная голова с широко разинутой пастью. Быть может, она, как и Дося, искала безопасное место, а пасть разинула, потому что атмосфера ЦИКа была для нее неподходящей. Багдасарян не стал анализировать все эти возможности. Исходя из соображения, что тварь может оказаться опасной, он, как заправский гольфист, широко замахнувшись от плеча, ударил согнутой ножкой стула по треугольной голове. Змея-конструктор отлетела в сторону, шмякнулась о стену, упала на пол и задергалась, будто пытаясь завязаться в узел.

Багдасаряну было неприятно осознавать, что он причинил страдание живому существу, пусть даже неземного происхождения, и, может быть, имевшему дурные намерения, зато теперь путь вперед был свободен, и он чувствовал себя настоящим мужчиной, рыцарем в сияющих доспехах, сумевшим защитить спутницу от грозившей ей опасности. С гордым видом кинув ножку стула на плечо, завлаб зашагал по коридору, который благодаря его храбрости и ловкости был свободен от всякой нечисти и, следовательно, абсолютно безопасен.

– Осторожно! – воскликнула у него за спиной девушка.

Оглянувшись на нее через плечо, Багдасарян снисходительно улыбнулся:

– Все в порядке.

Светлана молча указала пальцем на потолок.

В двух шагах от того места, где остановился Багдасарян, к потолку прилепился большущий кусок бесцветной слизи, от которого вниз тянулись вымяобразные выросты. Вид сие образование имело довольно-таки мерзкий, поэтому, едва лишь взглянув на него, завлаб неприязненно скривился.

– Это... чей-то кал? – Он ножкой стула указал на прилипший к потолку комок слизи.

– Это прилипала, – ответила Светлана. – Простейшее беспозвоночное.

– Оно опасно?

– Оно ядовито. Не круглый год, а только в период размножения.

– А сейчас?

– Я не знаю. Но лучше обойдите его стороной.

Едва только они разошлись с прилипалой, как с противоположного конца коридора им навстречу ринулись с десятков истошно пищущих, покрытых мозаичными панцирями живых существ, каждое размером с кулак. Хаотично перемещаясь, зверьки метались от одной стенки коридора к другой, но при этом неуклонно продвигались вперед.

– Все в порядке, – успокоила напрягшегося было завлаба Светлана. – Это туки, они не опасны. Только давайте постоим на месте, пока они не пробегут мимо нас.

– Туки-туки, бананы вуки, – недовольно буркнул Багдасарян. – А что будет, если мы не остановимся?

– Видите, как они дергаются из стороны в сторону? Невозможно угадать, куда тук метнется в следующий момент. Можно случайно наступить на одного из них.

– И что тогда?

– Тогда тук взорвется.

Завлаб сосредоточенно кашлянул. Он и в самом деле почти ничего не знал о поведении животных, с которыми работала его лаборатория. Но он был не этолог, а генетик. Его задача заключалась в расшифровке геномов существ, доставленных из разных зон. На основе этих исследований можно было строить предположения, в каком родстве находятся неизвестные прежде формы жизни с теми или иными представителями фауны Земли. Результаты были настолько удивительные, что порой Багдасарян чувствовал себя маленьким мальчиком, которого по ошибке одного оставили в кондитерской лавке. На всю ночь! И он, подобно паре эмэнэсов, готов был ночь напролет следить завороченным взглядом за тем, как мигают контрольные огоньки на панели секвенатора. Потому что точно знал, что, когда появятся результаты, это будет еще одно чудо!

– В виварии много опасных животных?

– Кайзер говорит, что неопасных животных вообще не существует. Все дикие звери в той или иной степени опасны. Даже мелкие грызуны могут нападать на животное, значительно превосходящее их размерами, если, например, соберутся в стаи. Некоторые животные становятся агрессивными в период размножения. Или когда охраняют потомство...

– Я хотел спросить, каких животных нам следует опасаться в первую очередь?

– Самый опасный – это, разумеется, зевул. Но он всего один... И, кажется, сыт.

– Уже хорошо. Кто еще?

– Чернобыльские слепыши, у нас их пара. Вы видели одного, когда он ломился в раздевалку.

– Да, здоровый.

– Вообще-то слепыши вегетарианцы. Но они очень большие и сильные и страшно не любят, когда их беспокоят. А сейчас они, похоже, очень раздражены. Так что им под лапы лучше не попадать... Есть еще псевдокрокодил, три адские кошки и драко.

Как выглядят псевдокрокодил и адские кошки, Багдасарян мог себе представить. Ну, или хотя бы вообразить. А вот драко – это еще что такое?

– Драко – это дракон?

– Он скорее похож на большого дикобраза с щупальцами.

Все! Багдасаряну этого было достаточно!

– Есть еще ядовитые животные. Особенно неприятны плюющиеся ящерицы – их поэтому держат в террариумах с пластиковыми стенками. И – джокер.

– Джокер? – Завлабу показалось, что он ослышался. – Что еще за джокер?

– Доставившие зверька квестеры называли его шокером. Но мы решили зарегистрировать его как джокера... Вообще-то он очень мил. На коала похож...

– Но что-то с ним все же не так? – догадался Багдасарян.

– Он может ударить током.

– Сильно?

– У служащего из новеньких, решившего почесать джокера за ушком, случился сердечный приступ. Говорят, еле откачали...

– Стоп!

Вытянув в сторону руку с ножкой стула, Багдасарян заставил Светлану замереть на месте и первым осторожно выглянул в холл перед лифтовой площадкой. Пускай об обитателях вивария он знал меньше своей спутницы, но он все же был мужчина. Следовательно, и вести себя должен был по-мужски. О таких вещах Багдасарян никогда не забывал.

Разгром холла, начатый людьми, пытавшимися забаррикадировать дверь, довершили ворвавшиеся в него животные. В аквариуме, где прежде плавали разноцветные тропические рыбки, теперь лежала камерунская псевдозмея. Она была настолько большая, что не умещалась в аквариуме целиком – хвост ее свешивался с одной стороны, а голова – с другой. Но настроена она была, похоже, вполне благодушно и на появление людей никак не отреагировала. На полу, в лужицах выплеснувшейся из аквариума воды, бултыхались разноцветные мучнистые комочки. В углу передними лапами старательно рыл пол зверь, смахивающий на помесь опоссума с броненосцем. А посреди всего этого развала сидела огромная рогатая жаба и издавала отрывистые чавкающие звуки. Дверь в раздевалку была полуоткрыта, но что за ней происходило, было не разглядеть.

– По-моему, все спокойно, – сделал вывод Багдасарян.

По его прикидкам, единственным зверем, с которым он, быть может, и не смог бы справиться с помощью ножки от стула, был бронепоссум – роговые щитки, покрывающие тело зверя, могли помешать. Но бронепоссум сосредоточенно скреб лапами покрытый плиткой пол и не обращал на людей ни малейшего внимания.

– Проверьте дверь – вдруг открыли, – посоветовала Света.

Стараясь не делать резких движений, Багдасарян прокрался вдоль стены к двери и попытался активировать замок карточкой. Посмотрев на Светлану, он с сожалением развел руками.

Светлана молча указала на дверь в раздевалку.

Но не успели они сделать и двух шагов в ее сторону, как из-под перевернутого кресла с писком вылетели штук семь черных мохнатых комочков и, расправив крылья, превратились в подобия летучих мышей. Испуганно вскрикнув, Светлана принялась размахивать над головой ножкой стула.

– Бойтесь мышек? – улыбнулся Багдасарян.

– Они инфицированы!

Услыхав такое, Багдасарян не стал выяснять, чем именно инфицированы эти летучие мышки, а принялся столь же рьяно, как и девушка, размахивать своим оружием.

Мыши вскоре сообразили, что спокойной жизни им здесь не будет, и ретировались в сторону административного отдела.

Переведя дух, Светлана поправила упавшие на глаза волосы.

– Ну, что? – ободряюще улыбнулся завлаб. – Последний бросок?

Девушка коротко кивнула в ответ. Ей на самом деле не было страшно. После того что ей довелось пережить в замерзшем городе, ее, наверное, уже никогда и ничто не сможет по-настоящему испугать. Вот только ей хотелось узнать, почему это происходит сейчас, здесь, именно с ней. Но спросить было не у кого.

– Да, вот что я еще забыла вам сказать, – вспомнила Светлана. – Зевул чувствует настроение.

– Чье? – удивился Багдасарян.

– Того, кто рядом с ним находится. И реагирует соответствующим образом.

– Не понял...

– Если мы столкнемся с зевулом, постарайтесь не испугаться. Иначе он почувствует ваш страх.

Не зная, что на это ответить, Багдасарян только руками развел. Зевул был жутким зверем. Пожалуй, самым жутким из всех, что ему доводилось видеть. Тигры и львы по сравнению с ним казались милыми кисками. Поэтому Ашот Самвелович сильно сомневался в том, что, столкнувшись с зевулом лбами, ну, или упершись лбом зевулу в живот, он сумеет сохранить хладнокровие. Да и кто бы смог?

В раздевалке все было тихо и спокойно. Только по стенкам шкафчиков бегали длинноногие пауки, а на плафоне светильника вверх ногами сидела большая темно-фиолетовая ящерица, то и дело стрелявшая в пауков длинным языком, но все время промахивавшаяся. В самом центре раздевалки возвышалось нечто, напоминающее грудку мышц, не обтянутых кожей, а будто покрытых тонкой, прозрачной пленкой.

Багдасарян вопросительно посмотрел на Светлану – ни о чем подобном она не упоминала, рассказывая о наиболее примечательных обитателях вивария.

– Это шпур, – упавшим голосом произнесла Светлана.

Судя по тому, как она это сказала и как вздохнула после этого, появление шпура ее вовсе не радовало.

– И что же это такое? – поинтересовался Багдасарян.

– Понятия не имею, – пожала плечами Светлана. – Квестеры принесли его в ЦИК с пол-года назад, меня здесь тогда еще не было. Говорят, тогда он умещался в термокружку и был похож на фрикадельку. Он в неограниченных количествах поглощал любую органику, едва она вступала в контакт с поверхностью его тела. Поедая что-то, он буквально на глазах увеличивался в размерах. Если же его не кормили, он начинал уменьшаться, как будто питался своим собственным телом.

– Почему вы не предупредили меня об этой твари?

– Когда я видела шпура последний раз, он был размером с футбольный мяч.

– И когда это было?

– Вчера вечером.

Багдасарян с уважением посмотрел на грудку мышц, едва не достающую до потолка.

– Должно быть, сегодня он славно покушал.

– Это не смешно! – тряхнула волосами Светлана.

– Почему?

– Потому что мы не сможем перебраться через него на другую сторону!

– Разумеется! – почему-то довольно усмехнулся Багдасарян. – Я даже пытаюсь на стану!

Однако ж и те, кто на другой стороне, – он хитро прищурился и показал Светлане палец, – тоже не смогут до нас добраться!

Девушка посмотрела на палец завлаба. Затем перевела взгляд на шпура.

Огромное бесформенное тело чуть приподнялось и снова осело, издав при этом странный скрипучий звук.

– Я вообще не понимаю, как он смог забраться в раздевалку?

– Должно быть, он уже здесь основательно подзакусил.

– Так вы согласны с тем, что этот ваш шпур заткнул раздевалку, как пробка бутылочное горлышко? – Багдасарян машинально сунул руку в карман, где у него лежала недопитая бутылка коньяка.

– Пожалуй, – подумав, согласилась с ним Светлана. – Даже если зевул отхватит от него кусок, то почувствует жуткое жжение во рту и вряд ли станет повторять попытку. А шпуру это большого вреда не нанесет. Если отрезать от него кусок, тот разовьется в самостоятельную особь.

– Принцип гидры, – кивнул Багдасарян. – Кстати, а почему вы не назвали эту тварь гидрой? Что вообще означает слово «шпур»?

– Шпур – это фамилия квестера, который принес будущего шпура в виварий. Он сам попросил, чтобы его так назвали.

– Хотел увековечить свое имя?

– Возможно. Хотя, на мой взгляд, способ довольно странный.

– Почему же?

– Ну, это все же не цветок и не бабочка. – Светлана взглядом указала на шпура.

– А я бы с радостью отдал ему свое имя! – с готовностью заявил Багдасарян. – Уже хотя бы за то, что он нас спас!

– Ашот Самвелович? – Светлана посмотрела на шпура и скептически поджала губы. – Звучит как-то не очень.

– Пусть будет просто Багдасарян!

– Он уже шпур, – улыбнулась Светлана. – Пусть им и остается.

– Согласен. – Багдасарян окинул взглядом холл. – Итак, что мы имеем? Змея, захватившая аквариум и, похоже, съевшая всех рыбок. Бронескунс, пытающийся вырыть себе нору. Горсть мучнистых комочков. Они не опасны?

– Нет, они просто намокли. – Светлана присела на корточки и собрала в ладонь кувыр-кавшиися в луже разноцветные комочки. – Это – пушистики. – Она протянула ладонь спутнику. – Когда они высохнут, то будут летать.

– Замечательно, – улыбнулся Ашот Самвелович, только чтобы порадовать девушку.

Сам он не видел ничего замечательного в том, что по холлу станут летать еще и какие-то там пушистики.

Светлана разложила мокрые комочки на просушку на журнальном столике.

– Стая инфицированных летучих мышей улетела в сторону административной секции. Там же – взрывающиеся черепашки, бегающая змея из конструктора и еще очень нервная Дося. Поэтому предлагаю остаться здесь. И в относительно спокойной обстановке дожидаться эвакуации!

Багдасарян поднял с пола кресло, поставил на ножки, рукавом халата смахнул с сиденья мелкий мусор и:

– Прошу! – пододвинул Светлане.

– Спасибо. – Девушка присела на краешек кресла, скрестив ноги.

Ашот Самвелович поставил на ножки другое кресло и, опустившись в него, блаженно откинулся на спинку.

– Не знаю как вы, Светочка, – негромко произнес он, глядя в потолок, – но я чувствую себя не то чтобы заново рожденным, но каким-то все же обновленным. Не находите?

– Я не слишком хорошо знала вас прежнего, чтобы судить, насколько вы изменились, – улыбнулась Светлана.

– Должно быть, все дело в смертельной опасности. – Багдасарян хлопнул ладонями по подлокотникам. – Мысль о том, что жить осталось, быть может, несколько минут. Стресс на

границ нейрощока мобилизует все скрытые резервы организма и резко меняет биохимический состав внутренней среды. Разве вы этого не чувствуете?

– Мне уже приходилось бывать в подобной ситуации.

– Ах да, замерзший город... Извините.

– За что?

– Вам, наверно, не хочется об этом вспоминать.

– Почему? Мне с детьми повезло, что нас нашли квестеры. И троекратно повезло, что это оказались те самые квестеры.

– Что значит «те самые»?

– Группа «Квест-13». Они не бросили нас, хотя должны были это сделать. Для того чтобы забрать нас с собой, они сначала угнали снегоход у банды мародеров, а потом захватили вертолет из Центра.

– А вертолет-то зачем?

– Пилоты не хотели брать меня с детьми на борт.

– Да уж, – качнул головой Багдасарян. – В ЦИКе жесткие правила. Но, несмотря на это, нас сегодня чуть было не сожрали.

Из раздевалки раздался оглушительный рев, внезапно оборвавшийся, так и не достигнув кульминации.

Багдасарян нервно вскочил на ноги и кинулся к двери.

Шпур, как и прежде, могучей грудой возвышался посреди раздевалки. Его тело оставалось неподвижным, хотя по другую его сторону явно что-то происходило. Были слышны приглушенные звуки, похожие на шум борьбы под ковром, влажные шлепки и шумное чмокание, будто кто-то высасывал устриц из раковин. И вдруг тело шпура начало увеличиваться в размерах. Это казалось невозможным, но оно увеличивалось на глазах! Верхняя его часть – говорить о голове в данном случае было некорректно – уперлась в потолок, а бока надавили на металлические дверцы шкафчиков так, что те начали со скрипом прогибаться. Разлетелся вдребезги плафон плоского светильника на потолке, с хлопком лопнули спрятанные под ним лампы. В раздевалке сделалось чуть темнее.

– Похоже, нас защитник еще кого-то заглотил, – сообщил Багдасарян девушке.

– Когда все закончится, ему придется сесть на диету.

Багдасарян озадаченно поджал губы, почесал пальцем за ухом и вернулся на место.

– А где сейчас спасшие вас квестеры?

– У них новое задание.

– Я понимаю. Но где именно они сейчас? В какой точке планеты?

– Они никогда не говорят, куда отправляются. Они рассказывают о том, где побывали, когда возвращаются.

– Это такое правило?

– Скорее традиция. Знаете, как у театральных актеров не принято называть пьесу «Макбет» ее настоящим именем.

– Серьезно? И как же они ее тогда называют?

– «Шотландская пьеса».

– Почему?

– Говорят, что пьеса проклята из-за того, что в диалогах ведьм Шекспир использовал настоящие заклинания. Хотя, скорее всего, это просто традиция.

– Что ж! – Багдасарян достал из кармана бутылку. – К сожалению, стаканчиков предложить не могу...

– Да их же здесь полно. – Светлана кивнула на перевернутый кулер.

– Точно!

Багдасарян быстро поднялся на ноги, выковырнул из кулера пару пластиковых стаканчиков, один вручил Светлане, другой оставил себе и в оба плеснул коньяку.

– За наше чудесное спасение! И за ваших друзей-квестеров, где бы они ни были!

Завлаб разом опорожнил стаканчик.

Светлана свой лишь пригубила.

– Где бы ни были, – едва слышно повторила она.

Глава 4

Разлом Седьмой

Зона 48. Австралия. Северная территория.

Улуру

Пули ударялись о красноватую скалу, отскакивали, оставляя на ней неровные щербины, и рикошетом уходили в сторону. И все это в полнейшей тишине. Звуков выстрелов тоже не было слышно. Не было слышно вообще ничего. Ни воя ветра, ни шелеста песка, ни крепких словечек, то и дело слетавших с языка Камохина. Ни единого звука. Ощущение, надо сказать, довольно странное. Как будто смотришь старый фильм без звука, только очень качественно отреставрированный и отлично раскрашенный. Или наблюдаешь за всем происходящим из-за толстого, не пропускающего звуков стекла. Обманчивое ощущение нереальности было крайне опасным, поскольку даже при полном отсутствии звуков можно был запросто схлопотать очень даже настоящую пулю.

Орсон толкнул Брейгеля локтем и, когда тот обернулся, показал ему закрепленный на левом запястье ПДА, на дисплее которого горела надпись:

«Это все неправильно!!!»

Брейгель усмехнулся и показал англичанину свой ПДА с надписью:

«А то я не знаю!!!»

Орсон быстро набрал новый текст:

«?????»

«*****» – ответил Брейгель.

Вообще-то вести разговор в таком режиме было довольно-таки утомительно. Особенно для Орсона, который, набирая длинную фразу, бывало, забывал, с чего начал. Но были у этой ситуации и свои преимущества. Например, вопросы, на которые не хотелось отвечать, можно было просто игнорировать.

Однако отделаться от Криса Орсона было не так-то просто. Сообразив, что от Брейгеля он ничего не добьется, биолог повернулся к Камохину. Который тут же сунул англичанину под нос свой ПДА с заранее заготовленным ответом на любой вопрос:

«НЕ СЕЙЧАС, ДОК!»

Орсон раздосадованно прикусил губу.

Из всех возможных собеседников оставался только Осипов. Он лежал в ложбине, по форме похожей на ванну, вымытой в красном песчанике проливными дождями, и, закинув руки за голову, смотрел в пронзительно голубое небо, расчерченное редкими, чуть смазанными линиями перистых облаков. С таким видом, как будто именно там можно было отыскать ответы на все те вопросы, обсуждать которые не имело смысла ни с кем, кроме разве что Альберта Эйнштейна. Интересно, если бы Эйнштейн был сейчас жив, сумел бы он создать теорию, объясняющую причину начала Сезона Катастроф? Ну и, самое главное, разумеется, смог бы он предсказать, хотя бы чисто теоретически, чем все это закончится?

Мертвая тишина, в которую был погружен мир Зоны номер сорок восемь, делала все происходящее неестественно мирным. Даже пули, то и дело отскакивающие от камней, казались ненастоящими. Как в старых немых кинолентах, в которых герой если и умирает, то ненадолго и не по-настоящему. Герои старых фильмов не имели привычки предаваться скорби. Должно быть, потому что метраж лент был ограничен. Как только продолжительность черно-белых лент перевалила за час, тут-то и начались страсти-мордасти, драмы-мелодрамы, рефлексия, достоевщина, суицид и прочие радости жизни. Пожалуй, правы были те, кто утверждал, что жить нужно быстро. Как Чаплин, Гарольд Ллойд или Бастер Китон.

Взмахнув рукой, Осипов, как комара, прихлопнул осколок камня, ужаливший его в щеку. Выступ каменной гряды, за которым укрылись квестеры, надежно защищал их от противников, находившихся в низине по другую ее сторону. Непонятно, чего ради они переводили боеприпасы? Только ради того, чтобы о себе напомнить? Или хотели быть уверенными в том, что квестеры не высунутся из своего укрытия? Так они и не собирались. Не в их это было интересах. Весь кошмар этого дикого, противоестественного противостояния заключался в том, что они не могли начать переговоры, чтобы выяснить причину возникших противоречий и попытаться найти какой-то выход из сей чрезвычайно глупой ситуации. А молча и беззвучно палить друг в друга можно было до бесконечности. Вернее, до тех пор, пока у кого-то не закончатся патроны.

Камохин привалился спиной к камню, поднял руку с автоматом и, не целясь, выпустил вниз длинную очередь. Тут же бросив автомат, он достал из кармана свернутый в кольцо гибкий шнур световода, подсоединил один его конец к планшету, выдернутому из лежавшего на камнях рюкзака, а другой, согнув почти под прямым углом, начал осторожно выводить наверх, стараясь, чтобы он плотно прилегал к красноватому камню. Когда активный конец световода достиг верха каменной гряды, Камохин стал осторожно поворачивать его из стороны в сторону, пытаясь поймать в поле зрения противника. Вскоре ему это удалось – те, кто находился внизу, даже не старались скрываться. Их было восемь человек, отлично экипированных и одетых в полном соответствии с климатом: светло-серые плотные рубашки с закатанными по локоть рукавами, такого же цвета штаны до колен, на ногах тяжелые ботинки с рифлеными подошвами и металлическими набойками, как раз чтобы по скалам лазать, на головах широкополые австралийские шляпы и только у одного – колониальный пробковый шлем. Двое, с автоматами в руках, стояли, привалившись спинами к скале, и курили. Двое других переставляли длинные зеленые ящики, вроде как оружейные, вот только маркировка на них была незнакомая. Трое сидели на ящиках, держа автоматы на коленях, у одного из них в руке был бинокль, через который он следил за тем, что происходило наверху. Тот, что в пробковом шлеме, сидел в стороне от остальных, изучая разложенные на ящике бумаги или карты.

Брейгель показал Камохину свой ПДА:

«Странная компания».

«Почему?»

«Не похожи на черных квестеров. Те бы умотали сразу, прихватив пакаль. А эти вроде как решили обосноваться тут всерьез и надолго».

«Может быть, есть другой пакаль?»

Брейгель отрицательно качнул головой и показал Камохину дисплей дескана, включенного в режиме поиска пакалей. Судя по показаниям прибора, пакаль был всего один и находился внизу, где расставляли свои ящики парни в серых рубашках.

«А что, если они его еще не нашли?» – высказал предположение Камохин.

Брейгель скептически усмехнулся:

«Не на ощупь же они его ищут».

С этим трудно было поспорить. Если кто-то явился в зону в поисках пакалей, у него должны были иметься средства поиска. Выходит, пакаль потерян. Что ж, у каждого случаются промахи. И даже группе «Квест-13», которую Кирсанов считал лучшей в ЦИКе, когда-то должно было не повезти. Иначе ведь просто не бывает.

Будучи закоренелым прагматиком, Камохин предпочел бы в такой ситуации, когда на их стороне не было вообще никаких плюсов, отступить и вызвать группу эвакуации. Проблема заключалась в том, что отступать им было некуда. Позади – отвесная скала. Высота – около трехсот метров. Без специального снаряжения спуститься вниз было нереально. А вот альпинистское снаряжение они-то как раз с собой и не взяли. Все потому, что Док радостно сообщил, что скала Улуру, внутри которой образовался пространственно-временной разлом,

вокруг которого и сформировалась Зона сорок восемь, является одной из достопримечательностей Австралии, и в былые времена сотни тысяч туристов ежегодно забирались на нее, следуя стандартным туристским маршрутом. Так что их очередной квест будет не обременительной, а даже познавательной увеселительной прогулкой. Собственно, Док был совершенно прав, все было бы очень просто и, может быть, даже весело. Если бы невесть откуда взявшаяся вооруженная команда не загнала их в ложбину почти на самой верхотуре Улуру. Выбраться откуда можно только тем же путем, каким они сюда и попали. То есть спустившись в расселину, где их ждали эти самые непонятные люди с заряженными автоматами и откровенно недобрыми намерениями.

«ПИКНИК У ВИСЯЧЕЙ СКАЛЫ!!!» – крупными буквами было написано на ПДА Орсона, который он старался показать всем, кто готов был это увидеть.

Посмотрев на Криса, Камохин непонимающе развел руками. Брейгель повторил его жест. Орсон с досадой беззвучно цокнул языком и принялся набирать новый текст.

Брейгель его опередил:

«Хочешь сказать, Док, эти парни явились сюда на пикник, а мы испортили их планы, из-за чего они сильно обозлились?»

Орсон отрицательно мотнул головой и показал стрелкам свой ПДА:

«Мистическая история. Начало прошлого века. Во время пикника пропали девочки из пансионата. Потом одна из них вернулась».

Брейгель с Камохиным непонимающе переглянулись.

«Это произошло здесь?»

«Да! В Австралии!»

«Улуру?»

«Нет, это было где-то в другом месте. Но там тоже была древняя скала!»

«Какое это к нам имеет отношение, Док?»

«Пространственно-временные переходы».

«Не понимаю...»

«Девочки исчезли, потому что попали в пространственно-временной переход!»

«Ты уверен, Док?»

«Разумеется! Другого объяснения просто не может быть!»

«Я бы мог предложить несколько куда более простых объяснений случившегося».

«Док, в начале прошлого века никаких разломов не было!»

«Вик утверждает, что разломы были всегда!»

«Да, но не на каждом шагу».

Камохин снова показал Орсону свой ПДА:

«Какое это к нам имеет отношение, Док?»

«Быть может, древние скалы являются местом, где образование разломов наиболее вероятно».

«Это в теории?»

«Разумеется».

«Док, все, что нам сейчас требуется, это каким-то образом выбраться отсюда, по возможности живыми и невредимыми».

«И забрать пакаль!»

«Плевать на пакаль!»

Приподнявшись на локте, Осипов с интересом наблюдал за троицей, беззвучно открывающей рты и очень эмоционально тыкающей пальцами в клавиатуру ПДА. Со стороны это выглядело очень странно. То, что в Зоне сорок восемь не распространялись звуки, было на первый взгляд единственным ее аномальным проявлением. Но как ни крути, а отсутствие звука должно было как-то быть связано с изменениями ряда физических показателей. А следова-

тельно, и аномалия Зоны сорок восемь может оказаться куда более серьезной, чем кажется. Пока Осипов не мог найти устраивающее его объяснение странности, присущей австралийской зоне. Прежде чем строить гипотезы, следовало провести ряд серьезных исследований. А у них, как всегда, не было на это времени. Потому что по ним, как обычно, стреляли. Хотя на этот раз совершенно беззвучно.

«Вижу, у вас очень оживленная беседа. О чем речь?» – Осипов набрал текст на своем ПДА, переключил его в режим конференции и отправил сообщение сразу всем.

На его сообщение никто не отреагировал. Никто даже не глянул в его сторону.

Точно! Это он сам глупость сморозил. В аномальных зонах, созданных пространственно-временными разломами, не работали никакие виды электронной связи. Поэтому приходилось глупо совать свои ПДА друг другу под нос. Что Осипов и сделал, подобравшись на четвереньках к троице что-то живо обсуждающих квестеров.

Прочитав его сообщение, Брейгель сделал ряд весьма странных жестов – сначала крутанул пальцем у виска, затем беззвучно щелкнул пальцами, скривил кислую физиономию, взмахнул кистью руки и указал себе за спину, туда, где находились противники, запершие их в ложбине. Осипов решил было, что это все, но тут Брейгель надул щеки и, расставив пальцы веером, раскинул ладони в стороны. Осипов озадаченно сдвинул брови – ему было не очень понятно, что хотел сказать этим стрелок?

Брейгель это тоже понял, а потому улыбнулся и застучал двумя пальцами по клавиатуре своего ПДА:

«Знаешь, что бы я сделал, если бы находился внизу?»

«Что?»

«Закидал бы нас гранатами. У них на автоматах есть подствольники. Хватило бы пары точных залпов, чтобы всех нас прикончить».

«Почему они этого не делают?»

Брейгель выразительно пожал плечами и снова покрутил пальцем у виска.

«Может быть, они не собираются нас убивать», – написал Орсон.

«Ага, и поэтому палят в нас то и дело!»

«Чего же им тогда нужно?»

«Быть может, они ждут, когда мы сами проявим благоразумие?»

«В каком смысле?»

Орсон недовольно поджал губы, покачал головой и поднял руки вверх.

«Мы должны сдать?»

Англичанин кивнул.

Камохин посмотрел на Осипова, взглядом спрашивая у ученого, что он обо всем этом думает.

«А у нас есть выбор?» – написал Осипов.

Англичанин улыбнулся и одобрительно похлопал Осипова по плечу.

Насчет того, что выбора у них не было, Камохин спорить не собирался. Даже если команда, находящаяся внизу, и не станет забрасывать их гранатами, долго они здесь все равно не продержатся. Вскоре у них закончится вода и они начнут медленно поджариваться на жарком австралийском солнышке, раскинувшись на красных камнях, как на сковородке. На такой жаре без воды они больше суток никак не протянут. Но у Камохина имелись еще и вопросы: кем были люди, находившиеся внизу? Почему они не уходили, заполучив пакаль? Что им еще тут было нужно? Вопросы эти были далеко не праздные. Сезон Катастроф завтра не закончится. А это означало, что им снова и снова предстояло отправляться в аномальные зоны на поиски пакалей. И сколько бы опасностей ни таили в себе сами зоны, опаснее всего были люди. Не местные жители, а те, кто пришел туда с какой-то своей целью: мародеры, черные квестеры, религиозные фанатики, последователи каких-то новоявленных культов, мистики, убежденные,

что зона – это лучшее место для их долбанных культов. У них у всех имелось оружие, и у каждого по-своему были сдвинуты мозги. Поэтому знание о том, с кем ты можешь столкнуться в зоне, с кем можно вести переговоры, а кого лучше сразу брать на прицел, было фактором выживания, причем весьма немаловажным. Группа, которая заблокировала их в ложбине, была хорошо организована, вооружена и экипирована, работали они четко, слаженно и, видимо, точно знали, что им нужно. А судя по количеству ящиков, которые они сюда притащили, им был нужен вовсе не пакаль. Или не только пакаль. Может быть, они решили устроить тут маленькую войну? Только – с кем?

Пока все эти мысли крутились у него в голове, Камохин продолжал следить взглядом за тем, что происходило на дисплее планшета. Ничего особенно нового там не случилось. Разве что только пара закончила перекур и, закинув автоматы за спину, занялась переноской ящиков.

Камохин жестом велел Брейгелю немного взбодрить противников. Тот намотал шейный платок на ствол автомата и поднял его вверх. Человек с биноклем тут же дал отмашку, и троица, сидевшая на ящиках, открыла огонь. Стреляли они, особенно не целясь, от пояса, только чтобы обозначить свое присутствие. Человек в пробковом шлеме вскинул голову и что-то беззвучно прокричал. Видя, что на него не обращают внимания, он схватил стек, лежавший поверх бумаг, и несколько раз размашисто стукнул им по ящику. После того как и это действие не возымело успеха, он схватил жестяную кружку и запустил ее в стрелявших. Одному из них кружка попала в плечо. Он посмотрел на человека в шлеме и указал наверх. Человек в шлеме приложил стек к козырьку шлема и тоже поднял голову.

В этот момент лицо Криса Орсона, также наблюдавшего за тем, что происходил на дисплее, вытянулось, а рот чуть приоткрылся. В следующую секунду из его рта полился беззвучный поток слов. Судя по выражению лица биолога, большинство из них были отборными английскими ругательствами, которые он временами приправлял отдельными, особенно близкими его сердцу русскими словечками. При этом Крис весьма эмоционально жестикулировал, то и дело тыча пальцем в дисплей.

Не понимая, с чего вдруг так завелся англичанин, Камохин на всякий случай несколько раз нажал клавишу фиксации изображения.

«В чем дело, Док?» – Брейгель первый догадался сунуть Орсону под нос свой ПДА, дабы напомнить, что они все еще в зоне тотального безмолвия.

Орсон тут же понял, в чем заключалась его ошибка. Он присел на корточки, сделал глубокий вдох и медленно, от живота, развел руки в стороны, одновременно выпуская воздух сквозь плотно сжатые губы. Сделав релаксирующее упражнение, он принялся набивать сообщение:

«Человек в пробковом шлеме!!»

Остальные квестеры непонимающе переглянулись. Осипов сделал знак рукой, означавший, что никто из них не понимает, при чем тут человек в пробковом шлеме.

Англичанин недовольно скривился и снова склонился над ПДА:

«Никого не напоминает?»

Снова обмен взглядами. После чего каждый отрицательно покачал головой.

Камохин вывел на дисплей сделанный снимок, увеличил изображение и запустил программу улучшения четкости.

«Ну!» – нетерпеливо взмахнул рукой Орсон.

«Вроде бы кого-то напоминает», – не очень уверенно отозвался Камохин.

«Если я его где-то и встречал, то за руку точно не здоровался», – поддержал его Брейгель. Биолог с надеждой посмотрел на Осипова.

Осипов еще раз посмотрел на изображение. И вдруг, как наяву, почувствовал острый, чуть сладковатый мускусный запах.

«Паук!»

«Точно!»

«О чем вы, парни?»

«Гоби. Зона 41»

«Гигантский пак?»

«Человек, провалившийся в воронку. Боливийский немец, увлекавшийся мистикой...

Как его звали?»

«Тот, у которого дед в Аненербе?»

«Да!»

«Гюнтер Зунн. Он-то здесь при чем?»

Орсон еще раз настойчиво ткнул пальцем в фотографию на дисплее планшета.

«Проснись, Док! Мы же видели Зунна мертвым!»

«К тому же этот парень лет на 30 моложе».

Орсон одобрительно хлопнул в ладоши и показал большой палец.

«Прикольно!» – улыбнулся Брейгель.

Англичанин непонимающе вскинул брови.

«Док, ты очень убедителен, когда молчишь!»

Орсон безнадежно махнул на него рукой и пальцем толкнул в плечо Камохина.

«Я не понимаю», – написал тот.

«Человек в пробковом шлеме похож на Гюнтера Зунна», – объяснил Осипов.

Стрелки еще раз внимательно всмотрелись в фото человека на дисплее.

«Некоторое сходство есть».

«Определенно похож!»

«И что дальше? Что мы имеем с того, что этот тип в шлеме похож на Зунна?»

Орсон, как дирижер, широко и плавно, призывно взмахнул руками. Собственно, англичанину было просто лень набирать сообщение на клавиатуре ПДА, и он ждал, когда кто-нибудь сделает это за него. Например, Осипов, который, похоже, давно уже понял, в чем тут дело. А потому, завершив широкий взмах, Орсон одобрительно улыбнулся и левой рукой указал на Осипова.

«Гюнтер Зунн, как мы знаем, был увлечен оккультизмом и мистикой...» – начал было Осипов.

«Не просто увлечен! – все же вынужден был вмешаться Орсон. – Для него в этом заключался весь смысл жизни!»

Показав запись, биолог вновь ободряюще кивнул Осипову – мол, можно продолжать.

«Зунн мертв, а человек в шлеме чертовски на него похож. Можно предположить, что он продолжает дело Зунна. А также, что он приходится ему родственником».

«СЫН!!!» – написал Орсон.

«Насчет сына я не уверен», – возразил Осипов.

«Определенно СЫН! – стоял на своем Орсон. – 1 – определенное внешнее сходство, 2 – те же интересы, 3 – подходящая разница в возрасте».

«А хоть бы и сын, – пожал плечами Камохин. – Что с того?»

Орсон хитро улыбнулся и показал стрелку тыльную сторону ладони – мол, сейчас все поймешь. Посмотрев по сторонам, англичанин нашел округлый булыжник размером с кулак, такой же красный, как и скалы вокруг. Взяв камень в руку, Орсон достал из кармана черный маркер, зубами сдернул колпачок и что-то написал на камне. После чего показал надпись остальным – «Guten Morgen, Herr Zunn!» – и, широко взмахнув рукой, как гранату, кинул камень вниз.

– Ты что делаешь, идиот! – беззвучно заорал на него Брейгель.

Орсон, разумеется, этого не услышал, а потому лишь весело улыбнулся в ответ.

Камохин тем временем поправил световод и снова включил видеонаблюдение.

Люди, находившиеся внизу, кинулись врассыпную, завидев летящий сверху предмет, на самом деле здорово смахивающий на гранату. Человек в пробковом шлеме упал за ящики.

«Кстати, а почему мы не закидываем их гранатами? – поинтересовался Осипов. – У нас ведь более выгодная позиция с этой точки зрения»

«Ошибаешься, – возразил Брейгель. – Они разбегутся в стороны, а потом ответят нам тем же. А вот нам уже деваться будет некуда».

Осипов согласно кивнул.

Упав, камень раскололся надвое. Что очень не понравилось Орсону – он бы предпочел, чтобы его послание было доставлено адресату в целости.

Сообразив, что сверху была брошена не граната, люди внизу начали выходить из укрытий. Автоматы они тем не менее держали наготове. Приблизившись к камню, один из них перевернул половинку ногой. Затем – другую. Прочитав надпись, он зажал автомат под мышкой, подобрал обе половинки, подбежал к человеку в шлеме, по-военному лихо козырнул и передал ему осколки. Тот сложил две части послания вместе, прочитал его и поднял взгляд на верх. Туда, откуда оно было доставлено.

Орсон толкнул Камохина локтем и бодренько подмигнул, как будто хотел сказать: «Ну, что я говорил?» Камохин очень неуверенно пожал плечами – он вообще не понимал, зачем англичанин сделал это?

Взмахнув рукой, человек, похожий на Гюнтера Зунна, указал наверх и показал своему подчиненному карточку, на которой, видимо, был написан какой-то приказ. Тот вновь вскинул руку к полям шляпы и кинулся передавать приказ остальным.

Внизу началась непонятная суета. Все бегали и хватались за разные предметы. Что они намеревались сделать, понять было невозможно. Ясно было только то, что руководил этим процессом человек в пробковом шлеме. Он поставил одну ногу на ящик, оперся на нее локтем и взмахами стека, как дирижер, пытался руководить действиями своих подчиненных. Похоже, получалось у него это не очень. Он нервничал и в раздражении бил стеком по ранту своего ботинка.

«Психопат», – заметил Брейгель.

«Людам, привыкшим к вербальному общению и внезапно ставшим глухонемыми, трудно научиться снова понимать друг друга», – возразил Орсон.

«Но у нас-то получается!»

«Может быть, это мы ненормальные?»

В этот момент человек в пробковом шлеме взмахом стека подозвал к себе одного из подчиненных. Достав из нагрудного кармана пачку бумажных карточек, он принялся быстро перебирать их. Найдя нужную, он протянул ее ожидающему приказа служаке. Тот прочитал надпись на карточке и непонимающе пожал плечами. Главный вновь недовольно ударил стеком по ботиночному ранту. Выхватив карточку из рук подчиненного, он перевернул ее и на обратной стороне авторучкой написал несколько слов. Теперь служака кивнул, козырнул и побежал выполнять распоряжение.

«Он не псих, – написал Орсон. – А человек, считающий, что способен все предусмотреть. Он знал, что происходит в зоне, поэтому для общения с подчиненными приготовил карточки, на которые занес все распоряжения, которые, как он полагал, могут ему понадобиться. Мое послание явно не было им предусмотрено, поэтому внесло сумятицу и неразбериху»

Судя по счастливой улыбке, англичанин был чрезвычайно доволен тем, что сотворил.

«А как же подчиненные? У них тоже карточки?»

Орсон усмехнулся:

«Подчиненным карточки не нужны. Подчиненные должны не разговаривать, а четко выполнять приказы».

«Чисто немецкий подход!»

«При чем тут немцы? Немые-подчиненные – мечта любого начальника».

«Немые и безмозглые».

«Безмозглые ничего не смогут делать».

«Я имел в виду, не способные самостоятельно мыслить и принимать ответственные решения».

На секунду Орсон в задумчивости прикусил губу.

«Не обидитесь, если я вас спрошу?»

«Это смотря о чем».

«И кого именно».

«У вас, у русских, что, в генах заложено стремление к тоталитаризму?»

Осипов озадаченно поскреб ногтями щеку, после чего написал:

«Ну, определенная селекция проводилась, начиная с 1917 года».

Орсону явно хотелось продолжить эту тему. Но тут Камохин пару раз беззвучно щелкнул пальцами и указал на дисплей. Внизу двое человек растянули самодельный транспарант, на котором красной краской было написано:

«Ich glaube, wir müssen reden. H. Zunn».

«Ну, и что там написано?»

«Он полагает, что нам нужно поговорить».

«Судя по подписи – он действительно Зунн!»

«Я бы не стал ему безоговорочно верить. Это может оказаться уловкой, чтобы выманить нас».

«Он хочет поговорит с тобой, Док».

«Почему это именно со мной?»

«Ты же передал ему привет».

«Я написал от нашего общего имени».

«Но при этом не заручился нашим согласием!»

«Кончайте! – взмахнул рукой Камохин. – Нашли время!»

«Я думаю, нужно попытаться вступить в переговоры, – высказал свое мнение Осипов. – Иначе нам отсюда не выбраться».

«Послушайте, если это родственник Гюнтера Зунна, нам найдется о чем с ним поговорить!»

«Если он захочет разговаривать».

«Пустое!»

Орсон безнадежно махнул рукой и неожиданно поднялся в полный рост. Навалившись грудью на невысокую каменную стену, за которой они прятались, англичанин свесился вниз и помахал руками.

– Эй! Герр Зунн! – прокричал он беззвучно.

Но те, кто находился внизу, и без того уже его заметили.

Глава 5

Двое, державших приглашающий к диалогу транспарант, остались стоять неподвижно. Остальные схватились за автоматы. Но тут Зунн взмахнул своим стеклом и что-то беззвучно прокричал. Стволы автоматов опустились вниз. Зунн посмотрел на Орсона и жестом руки с зажатым в кулаке стеклом пригласил его спуститься вниз.

Орсон озадаченно поджал губы. То, что в него не стали стрелять – это хорошо. Однако, спустившись вниз, они окажутся под прицелами превосходящих их по численности противников.

Подумав, Орсон улыбнулся и приветственно помахал рукой выжидающе глядящему на него Зунну, после чего быстро набрал несколько слов на ПДА и опустил руку вниз.

«Я спущусь один», – прочитал на дисплее ПДА Орсона Камохин.

«Плохая идея!» – ответил он тут же.

«Есть другие?»

Камохин тяжело вздохнул и посмотрел на Брейгеля. Тот утвердительно кивнул.

«Пойдете вместе с Яном».

«Какой смысл?»

«А я и не говорил о смысле. Я сказал: пойдете вдвоем!»

Брейгель снова кивнул. Проверил, легко ли вынимается пистолет из кобуры на поясе, нож из ножен, второй нож – на голенище. После чего перекинул ремень автомата через шею, подтянул за козырек бейсболку с логотипом Центра Изучения Катастроф и надел каплевидные солнцезащитные очки в тонкой оправе.

Глядя на Орсона, Зунн нетерпеливо взмахнул рукой.

Англичанин ответил ему успокаивающим жестом.

Камохин протянул Орсону автомат.

«Зачем?»

«Правило этикета».

«Не слышал о таком».

«Вы идете не сдаваться, а на переговоры. Если у противника в руках оружие, то и у вас оно должно быть».

«А это не будет неверно истолковано?»

«Это сразу же поднимет планку вашего авторитета?»

«Уверен?»

«На все 100».

«Не сомневайся, Док! – поддержал Камохина Брейгель. – Внизу люди военные, они понимают толк в оружии».

Орсон кивнул, хотя и без особой охоты: «Ну, хорошо!» – взял автомат, просунул руку в ременную петлю и перекинул оружие за спину. Снова глянув вниз, он показал два пальца, давая понять, что их будет двое, и жестом дал понять, что сейчас они начнут спускаться. Зунн согласно кивнул.

Камохин жестом велел Осипову быть наготове. Тот снял автомат с предохранителя, перевернул затвор и поставил его прикладом на колено. Камохин сделал то же самое, после чего коротко кивнул Брейгелю с Орсоном.

Резко выдохнув, Брейгель поднялся во весь рост и помахал рукой наблюдавшим за ним снизу. Никаких ответных жестов он не увидел. Ну, разве что только Зунн нетерпеливо ударил себя стеклом по коленке. Ладно, не велика честь, хорошо, что на прицел не берут. Брейгель показал Камохину большой палец и перекинул через каменное возвышение моток веревки.

Орсон сделал то же самое.

С внешней стороны каменная стена была почти ровная и имела небольшой уклон. Забраться на нее, находясь под огнем сверху, было практически невозможно. А вот спуститься вниз – проще простого. Тормозя ногами и одной рукой, а другой для страховки придерживаясь за веревку, Орсон с Брейгелем за пятнадцать секунд оказались на сорок метров ниже.

И тут же их обступили люди в серых рубашках и широкополых шляпах.

Брейгель выставил перед собой руку с открытой ладонью: «Спокойно, ребята!» – и как бы невзначай тронул локтем автомат.

Подойдя сзади, Зунн стукнул стеком по плечу одного из своих подчиненных и, когда тот обернулся, жестом велел отойти в сторону. Постукивая стеком по открытой ладони, Зунн внимательно рассмотрел своих гостей. Он действительно был похож на Гюнтера Зунна. То же худое, вытянутое лицо, высокий лоб с глубокими залысинами, острый, загнутый крючком нос, тонкие губы, большие уши, плотно прилегающие к черепу, и большие, чуть прищуренные бледно-голубые, будто выгоревшие на ярком солнце глаза.

Видимо, осмотр гостей удовлетворил Зунна. Он раздвинул губы в едва заметной улыбке и слегка наклонил голову. После чего указал стеком наверх. Быть может, он хотел узнать, сколько еще человек осталось наверху, а может, интересовался, почему они все не спустились. Орсон сделал отрицательный жест рукой, затем указал на себя и Брейгеля и, будто Черчилль, вскинул вверх два растопыренных пальца. Зунн озадаченно сдвинул брови. Что и неудивительно – трактовать жесты англичанина можно было весьма многозначно. Например, так: «Помощь нам не потребуется, мы и вдвоем запросто с вами всеми справимся!» Одним словом, язык жестов плохо подходил для переговоров.

Орсон поднял руку и двумя сложенными вместе пальцами постучал по дисплею ПДА.

Зунн одобрительно кивнул и сложил руки на груди.

Прикинув в уме, на каком языке лучше к нему обратиться, Орсон решил, что русским Зунн, по всей видимости, не владеет, а по-немецки он сам знает всего-то пару-тройку расхожих фраз. Переключив раскладку клавиатуры на английский, Орсон принялся набирать сообщение. Не торопясь, он тщательно подбирал слова, поскольку прекрасно отдавал себе отчет, насколько важно в подобной ситуации первое впечатление.

Брейгель тем временем внимательно наблюдал за подручными Зунна, также стараясь составить о них наиболее полное впечатление. Среди них не было никого моложе тридцати. По всей видимости, это были наемники, когда-то проходившие службу в регулярных частях армии и полиции. Но было это давно, поскольку армейская выправка была едва заметна. А Брейгель по себе знал, насколько непросто избавиться от последствий ежедневной армейской муштры, когда все стандартные действия совершаешь уже не задумываясь, на автомате. Оружие у них у всех было разное. Помимо автоматов, почти у каждого на поясе имелась кобура с пистолетом, а у некоторых – две. В наличии были ножи и кастеты. А у одного Брейгель заметил нунчаки, заткнутые сзади за пояс. То есть боевая подготовка у них была хорошая, толк в оружии они понимали и пользоваться им умели.

Закончив набирать текст, Орсон с улыбкой продемонстрировал результаты своих трудов Зунну:

«How do you do? My name is Chris Orson. I biologist».

Прочитав это, Зунн озадаченно коснулся пальцем кончика носа. Это было всего лишь привычное, произвольное движение, не несущее никакой смысловой нагрузки. Затем он одобрительно кивнул и жестом предложил гостям пройти к ящику, на которых были разложены его бумаги. Повернувшись к гостям спиной, он первым проследовал в указанном направлении.

Брейгеля несколько озадачило то, что их даже не попытались обезоружить. Четверо подручных Зунна неотрывно наблюдали за чужаками. Но в принципе Брейгель был почти уверен, что, если бы на месте Орсона находился Камохин, они вдвоем имели бы совсем неплохой шанс разнести этот лагерь к чертям собачьим. То есть либо Зунн был до глупости самоуверен, либо

он таким образом хотел подчеркнуть, что они не пленники, а гости. Вот только на фиг ему это было нужно?

Орсон на ходу показал Брейгелю свой ПДА:

«Он понимает по-английски!»

Ну, разумеется! Для англичанина человек, знающий его родной язык, был образцом цивилизации! И это несмотря на то, что сам Орсон по-русски мог запросто уделывать девятерых из десяти выпускников Литинститута. Причем не нынешнего, а советского, когда культуру русского языка еще не сменила культура поп-номенклатуры, телеведущие знали, как правильно произносить слова и ставить в них ударения, а президент, ну, то есть тогда еще генсек, хоть и говорил с трудом, но все же не изъяснялся на языке уркаганов.

Они уселись вокруг большого квадратного ящика, игравшего роль стола. Брейгелю с Орсоном в качестве сидений достались ящики размером поменьше, а вот у Зунна имелся персональный походный раскладной стульчик. Бросив взгляд на стол, Брейгель сразу обратил внимание на то, что все бумаги на нем перевернуты текстовой стороной вниз. Что свидетельствовало о том, что младший Зунн тоже не простой кабинетный работник и даже не свихнувшийся ученый – Брейгель никогда не замечал ни за Орсоном, ни за Осиповым подобной привычки. Напротив, им все время приходилось напоминать о соблюдении хотя бы самых элементарных правил осторожности. Странно даже, сколько раз уже эта парочка ученых попадала в разные передраги, а они все еще продолжали в каждом незнакомом человеке видеть друга, до тех пор, пока он не доказывал обратного.

Зунн взял с угла стола два обломка камня, сложил их вместе и протянул Орсону. Затем он взял листок бумаги и, аккуратно выводя каждую букву, написал:

«We first met?»

Орсон коротко кивнул.

Зунн снова взял бумагу и принялся писать.

Англичанин решил, что при таком способе общения они еще долго ни до чего не договорятся. Он решительно взял Брейгеля за руку, несмотря на некоторое сопротивление со стороны стрелка, ловко снял с его запястья ПДА и положил гаджет перед Зунном.

Зунн тронул уголок сенсорного экрана пальцем и удивленно вскинул брови.

«Русский?» – напечатал он.

Орсон тут же переключил раскладку своей клавиатуры на русский язык.

«Вы говорите по-русски?»

«Может быть, не так хорошо, как хотелось бы... Моя мама русская. Она из старообрядческой общины. Ее предки перебрались в Боливию еще в XVIII веке».

Показывая Орсону с Брейгелем то, что он написал, Зунн невольно с гордостью улыбнулся. Ему определенно доставляло удовольствие общение на русском языке, пусть даже эпистолярное.

Орсон представил Зунну Брейгеля, не забыв сообщить, что он тоже русский, хотя и носит столь странное для русского имя. По счастью, англичанин не стал вдаваться в подробности того, как Ян обрел свое новое имя, иначе это заняло бы много времени.

«Откуда вам известно мое имя?» – перешел к делу Зунн.

«Вы очень похожи на отца».

«Многие так говорят. Мое имя Генрих. Генрих Зунн. Так вы знали моего отца?»

«Мы познакомились с ним незадолго до его смерти».

Брейгель подивился дипломатичности англичанина – вот ведь, если надо, умеет найти нужный оборот речи! И впервые порадовался тому, что они находятся в мире, лишенном звуков, иначе бы он непременно саркастически хмыкнул, прочитав последнюю запись Орсона.

«Где это произошло?» – поинтересовался Генрих Зунн.

Вроде бы вполне обычный вопрос. Однако, на самом деле, он таким образом проверял своих гостей.

«Шамо. Монгольская часть Гоби».

«Как вы там оказались?»

«Полагаю, тем же образом, что и ваш отец», – весьма ловко ушел от прямого ответа англичанин.

«Мой отец был удивительным человеком!»

«Не сомневаюсь».

«Вы видели, как он умер?»

«Да. Мы находились рядом. Ян пытался ему помочь, но было слишком поздно».

«Что произошло?»

«Он угодил во внезапно разверзшуюся у него под ногами песчаную воронку. Это одна из особенностей аномалии зоны 41».

«Значит, он погребен в песках пустыни?»

«Полагаю, что да».

«Полагаете?»

«Мы оставили его тело... – Орсон ненадолго запнулся, вспомнив о том, что им удалось вытащить из воронки только верхнюю часть туловища Гюнтера Зунна. Но, решив, что сыну знать такие подробности совсем необязательно, продолжил: – На том месте, где он погиб».

«При нем что-то было?.. Я имею в виду что-то действительно важное?»

Орсон бросил взгляд на Брейгеля. Тот понял, о чем хотел бы спросить его англичанин, и коротко кивнул.

«Камень Ики с изображением паука».

Генрих Зунн плотно сжал губы и чуть наклонил голову.

«Все верно. Где сейчас этот камень?»

Орсон указал на эмблему на тулье своей кепи.

«Так это не маскарад? Вы действительно работаете на господина Кирсанова?»

Брейгель схватил англичанина за руку, положил его руку перед собой и начал набирать ответ. В конце концов, он тоже хотел принять участие в беседе.

«Я бы сказал иначе: мы работаем вместе с господином Кирсановым, – тут он просто был обязан внести ясность. – У вас есть причина в этом сомневаться?»

«И весьма веская, – улыбнулся Зунн. – На подходе к скале мы столкнулись с тремя людьми в точно такой же форме, как ваша».

Орсон с Брейгелем непонимающе переглянулись. Еще одна группа квестеров из ЦИКа? Такого просто не могло быть! Никому не могло прийти в голову посылать сразу две группы в одну зону! Или все же могло? Но тогда – зачем?

«Где они сейчас?»

«Полагаю, там, где мы их оставили. – Зунн указал пальцем вниз. – Они первыми напали на нас из засады. Поэтому мы и по вам начали стрелять, решив, что вы с ними заодно. Мы нашли только один джип рядом со скалой».

«Люди, которых вы встретили, по всей видимости, самозванцы. Нас доставил вертолет».

«Очень хочется в это верить. Я слышал много хорошего о Центре Изучения Катастроф господина Кирсанова. Было бы весьма неприятно узнать, что он берет к себе на работу негодяев».

«Что они хотели?»

«Понятия не имею! Но они точно собирались нас убить. Один мой человек был даже легко ранен в плечо».

«Я могу осмотреть рану».

«Спасибо, у нас есть свой врач. Как он говорит, рана несерьезная»

«А те трое?...»

«Я же сказал – остались внизу».

«Мертвые?»

«Ну, разумеется! Мы же не могли оставить у себя за спиной трех отъявленных негодяев с оружием».

«Могу я полюбопытствовать, что привело вас сюда?»

Генрих Зунн едва заметно приподнял тонкую правую бровь.

«Полагаю, то же самое, что и вас».

«Вы занимаетесь исследованием аномальной зоны?»

«В какой-то степени».

Ну, вот, улыбнулся про себя Брейгель, началась игра в кошки-мышки. Каждый хочет узнать как можно больше о том, что известно сопернику, не выдавая при этом своих секретов. То, что Зунну нравятся такие игры, это даже хорошо. Это куда лучше, чем игры с огнем и взрывами. Главное, чтобы Док не сболтнул лишнего. Он тоже понимает толк в Игре, но, бывает, увлекается.

«И какова же область ваших научных интересов?»

«Древняя магия».

«О!...» – только и смог написать Орсон.

И тогда Брейгель взялся за его ПДА.

«Это правда, что ваш прадед работал в Аненербе?»

«Да, – ответил Зунн. – Я не вижу в этом ничего дурного. Он не был нацистом. Он был исследователем».

«У него остались какие-то документы тех времен?»

Зунн улыбнулся и покачал головой.

Ну, разумеется, Брейгель не особенно-то и рассчитывал на то, что он станет отвечать на этот вопрос.

«Понимаю. Попробую сформулировать вопрос иначе. Меня давно мучает вопрос, смогли ли нацисты добраться до луны».

Сразу обе брови Генриха Зунна взлетели под пробковый шлем.

«Вы шутите, господин Брейгель?»

«Ну, ходят ведь такие слухи».

«Насколько мне известно, это всего лишь слухи».

«А как насчет военной базы в Антарктиде?»

«Полагаю, вы все же шутите».

«У нас говорят, что в каждой шутке есть доля шутки»

«Интересная мысль. Мне про нацистскую военную базу в Антарктиде ничего не известно. Подумайте сами, сколько времени прошло с тех пор. Если бы такая база и имелась, она давно исчерпала бы все свои ресурсы и погибла».

«Выходит, такое могло быть?»

«Я никогда специально не интересовался этим вопросом. Но если вас интересует лично мое мнение, я отвечаю, что нет».

«А в Аненербе что-то знали о том, что случилось сейчас?»

«Вы имеете в виду Сезон Катастроф?»

«Именно».

«Знание о грядущем Сезоне Катастроф гораздо более древнее, чем вы можете себе представить, господин Брейгель».

«Библия? Апокалипсис?»

Зунн усмехнулся, не скрывая скепсиса.

«Библия – это всего лишь компиляции намного более древней информации. Причем в библейских текстах первоначальный смысл либо сильно искажен, либо вовсе утерян».

Отлично! Брейгель почувствовал, что нащупал слабое место Генриха Зунна! Как и всякий исследователь, он готов был без умолку говорить на интересующую его тему. Жаль только, что общаться приходилось при помощи ПДА, иначе бы дело пошло еще веселее.

«О каких источниках идет речь?»

«Ну, из того, что вам наверняка знакомо, могу назвать шумерские мифы о Гильгамеше и «Беовульфа». Читать, разумеется, следует не отредактированные пересказы, а первоисточники».

Орсон выхватил из рук Брейгеля свой ПДА, который тот уже успел снять с запястья англичанина.

«Но позвольте! «Беовульф» был написан в начале VIII века!»

«В варианте, приближенном к тому, который был позднее записан и дошел до наших дней. Однако это интерпретация более древних мифов».

Брейгель снова завладел ПДА.

«Насколько я понимаю, мифы – это сказки».

Зунн хитро посмотрел на Брейгеля и провел пальцами по подбородку.

«Если, говоря о сказках, вы имеете в виду небылицы, тогда вы ошибаетесь. Мифы – это концентрированное знание древних, изложенное в поэтической форме».

«То есть зашифрованное».

«Можно и так сказать».

«Почему нельзя было обо всем сказать открытым текстом?»

«Как вы полагаете, до Эйнштейна многие ли бы смогли понять, что такое черная дыра? Скорее всего, образ был бы воспринят буквально, как некое темное отверстие. Мы же говорим об историях, которые придумывали и рассказывали люди, жившие намного раньше. Отсюда и образность мифов».

«Но ведь и образы можно трактовать по-разному».

«Разумеется. И это, скажу я вам, не столько наука, сколько искусство. Парадокс заключается в том, что чем древнее мифы – тем больше в них полезной информации, но при этом до нее труднее докопаться. В наиболее чистом, неискаженном виде до нас дошли мифы, хранившиеся внутри людских сообществ, которые долгое время были изолированы от цивилизации. Это в первую очередь мифы африканских пигмеев, индейцев Амазонии и австралийских аборигенов. Мой прадед, Герхард Зунн, в последние годы своей жизни занимался тем, что создавал систему смысловой интерпретации мифов. Его работу продолжил мой дед, Ганс Зунн. А затем и отец».

О своем участии в исследованиях Генрих Зунн скромно умолчал.

«Так, значит, в Аненербе этим тоже занимались?» – продолжил гнуть свою линию Брейгель.

Зунн усмехнулся.

«Этим где только не занимались. Почему вы заиклены именно на Аненербе? Только потому, что в этой организации работал мой прадед?»

«Извините, если я вас чем-то обидел».

«Я не обижен. Мне просто не понятна такая постановка вопроса».

«Я пытаюсь понять, что привело вас сюда?»

«Я уже ответил – то же самое, что и вас. То же самое, за чем мой отец отправился в Гоби. Вы знаете, чем он там занимался?»

«Он пытался открыть так называемый Колодец Душ», – ответил Орсон.

Зунн удивленно вскинул бровь. Он явно не ожидал услышать такой ответ. Он даже не предполагал, что квестерам известно так много.

«Более того, – невозмутимо продолжил Орсон. – Ему это удалось».

Глаза Зунна загорелись. Он резко подался вперед.

«Расскажите!»

Англичанин лукаво улыбнулся.

«Qui pro quo, господин Зунн».

«Что вы хотите?»

«Нам было бы очень интересно узнать, чем вы здесь занимаетесь?»

«Я изучаю мифологию аборигенов».

Орсон покосился на подручных Зунна, как и прежде, занимающихся сортировкой ящиков.

«А наемники вам зачем?»

«Любая аномальная зона – не самое безопасное место на Земле. Что, кстати, подтвердила встреча с троицей, одетой в вашу форму. К тому же у меня не совсем обычные методы работы».

«Настолько необычные, что вам требуется усиленная охрана?»

«Именно. Видите ли, я изучаю древнюю мифологию на практике. А это не всегда безопасно. Как я предполагаю, именно из-за этого погиб мой отец?»

«Да».

Зунн ждал продолжения. Его указательный палец легонько постукивал по корпусу ПДА. Но не более того.

«Вы не будете возражать, если к нашей беседе присоединятся двое других наших товарищей?» – осведомился Орсон.

«Буду только рад. Не люблю, когда за мной наблюдают со стороны».

Орсон повернулся в сторону скального выступа, за которым прятались Камохин с Осиповым, помахал им рукой, а затем жестом предложил спуститься.

Глава 6

«Орсон хочет, чтобы мы спустились».

«У них там вроде все в порядке».

«Хотелось бы быть в этом уверенным».

«В зоне ни в чем нельзя быть уверенным. Здесь все нелогично и неправильно».

Камохин недовольно поджал губы. Ситуация, когда они все четверо окажутся в окружении превосходящего их численностью противника, казалась ему как минимум противоречивой. Собственно, только тогда и можно будет со всей определенностью понять, насколько дружелюбно настроен Зунн. С другой стороны, если и Док, и Брейгель были уверены, что, спустившись вниз, они ничем не рискуют, наверное, стоило именно так и поступить.

«Спускаемся».

Осипов улыбнулся и показал большой палец. Он мыслил примерно так же, как Камохин, и пришел к тому же выводу. Собрав всю поклажу, Осипов закрепил ее на веревке и уже собрался перекинуть связку через каменный выступ, как вдруг Камохин крепко схватил его за руку и сунул под нос ПДА:

«Отставить!!»

Осипов сделал непонимающий жест рукой.

Камохин сунул ему в руки бинокль и указал налево, в ту сторону, где по самому краю скалы вилась узкая тропка, по которой они и сами поднялись сюда. Осипов осторожно выглянул из укрытия и посмотрел в указанном направлении. По тропинке медленно, один за другим, поднимались три человека. И это были не наемники Зунна. Все трое были невысокого роста, худого телосложения, но жилистые, с густыми кудрявыми волосами. У двоих волосы были черные, у третьего – белые, как снег, которого он никогда не видел. Из одежды на них были только набедренные повязки. В руках каждый держал длинное копье.

– Аборигены, – беззвучно произнес Осипов. – Им-то что здесь нужно?

Хотя, конечно, вопрос был неправомерен. Скала Улуру, так же как и вся прилегающая к ней территория, принадлежала местному племени аборигенов. По всей видимости, они заметили какое-то непонятное движение на скале и решили подняться, чтобы выяснить, что происходит.

Реакция наемников Зунна на появление аборигенов была нулевой. Они с любопытством поглядывали на коренных обитателей Австралии, но не предпринимали никаких попыток преградить им путь. Аборигены остановились сами, едва ступив на площадку, на которой расположилась группа Зунна. Седой – в центре, двое молодых – по сторонам от него. Древка копий поставлены на землю возле ног, острия направлены в небо. В руках – загнутые на концах дубинки нулла-нулла. За поясами – боевые бумеранги. Надо сказать, что при всем своем невысоком росте и тщедушном телосложении аборигены вовсе не были похожи на ярмарочных актеров, зазывающих публику на «новый, никем прежде не виданный аттракцион!». Нет, они выглядели как воины, с которыми не стоит шутить. И даже дружески хлопать по плечу тоже не рекомендуется. Поскольку если ваш дружеский жест будет неверно истолкован, то и ответная реакция на него, которая последует незамедлительно, вряд ли вам понравится. Даже старик с шапкой седых вьющихся волос, перетянутых разноцветным плетеным ремешком на лбу, вовсе не производил впечатление дряхлого и немощного старца, способного лишь на то, чтобы недовольно брюзжать, брызжа слюной из беззубого рта. Весь облик старика, каждая часть его тела, каждая черточка лица, казалось, были насыщены некой внутренней силой, гораздо более значимой и действенной, нежели физическое совершенство. На впалой груди старика висела квадратная деревянная дощечка, размером с ладонь, отполированная до густого темно-янтарного блеска. Концы кожаного ремешка, опоясывающего шею старика-аборигена, были про-

деты в аккуратные отверстия, просверленные в верхней части дощечки, и завязаны узлами. На дощечке был вырезан варан – лапы раскинуты в стороны, морда задрана вверх, чуть загнутый хвост опущен вниз; по спине – узор «елочка». Вот только лап у варана не четыре, а шесть.

Едва завидев гостей, Генрих Зунн суетливо вскочил на ноги, поприветствовал их коротким поклоном и жестом пригласил пройти к импровизированному столу. Одновременно он так же жестом попросил Орсона с Брейгелем подняться на ноги. Что те с готовностью выполнили, понимая, что необходимо чтить обычаи и правила тех, на чьей земле ты находишься.

Не дойдя трех шагов до большого ящика с разложенными на нем бумагами, аборигены остановились. Старик поднял руку и прижал ладонь к губам.

– Ты звал нас, – произнес он по-английски. – Мы пришли.

Голос был странный, абсолютно лишенный индивидуальных обертонов, как будто пропущенный через вокодер. Но при этом каждое слово было очень хорошо слышно и отчетливо звучало.

Звук человеческого голоса, прозвучавший в мире полного безмолвия, произвел на квестеров настолько ошеломляющее впечатление, что в первый момент оба даже не поняли, что произошло! А когда наконец осознали случившееся, то повернулись друг к другу и разом заговорили. Но чуда не произошло – с их губ, как и прежде, не слетело ни звука.

Абориген говорил негромко, но слова, звучащие в полной тишине, казалось, разлетались на сотни миль вокруг. Услышав их, Камохин с Осиповым тоже удивленно переглянулись. Они поняли, что говорил старик, явившийся в сопровождении двух молодых соплеменников. Но как ему это удалось, если даже наука спасовала перед тайной очередной аномальной зоны? Выходит, для того чтобы победить сковавшее австралийскую зону безмолвие, аборигену не нужны были ящики с высокоточными приборами – он сделал это, опираясь на тысячелетний опыт предков?.. Или – как?.. На этот вопрос он должен был получить ответ. И – немедленно! Не мешкая, Осипов перекинул связку рюкзаков через каменный выступ и начал быстро спускаться вниз.

Камохин наблюдал за ним, не пытаясь помешать или возразить. Стрелок и сам понимал, что происходит нечто экстраординарное. Кроме того, его целью был пакаль, а пакаль находился внизу. Значит, спустившись вниз, он окажется ближе к пакалю. Не очень убедительная, но все же – мотивация.

Как только связка рюкзаков встала на землю, Осипов обернул моток веревки вокруг большого, в полчеловеческого роста камня и тоже кинул его вниз. Ухватившись за два конца, квестеры вместе заскользили вниз по наклонной каменной стене. Четверо наемников внимательно наблюдали за ними, но уже не брались за оружие. Как истинные профессионалы, они были только рады тому, что все разрешилось тихо, мирно, без стрельбы.

Старик-абориген опустил ладонь, которой прикрывал рот, когда говорил. Губы его улыбались, а в глазах горели по-детски шаловливые искорки.

Выразительно посмотрев на старика, Брейгель недоуменно развел руки в стороны.

Старик снова поднес ладонь к губам и произнес только одно слово:

– Minga.

Зунн с улыбкой похлопал Брейгеля по плечу и протянул квестеру его ПДА, на дисплее которого было написано:

«Вы спрашивали, при чем тут мифы?»

Взмахнув кистью руки, Брейгель дал понять, что он все еще не понимает, что происходит. Кто этот старик? И при чем здесь мифы?

Продолжая довольно улыбаться, Зунн сделал успокаивающий жест рукой. Он буквально парил на волнах всеобщего недоумения. Наемников он, разумеется, в расчет не брал. Но из трех человек, которые, как он полагал, имели некоторое представление о том, что такое аномальные зоны, только он один мог объяснить, что сейчас происходило. Самовлюбленность не

была отличительной чертой Генриха Зунна, но ему нравилось удивлять других и объяснять им то, что сами они постичь были не в силах.

Зунн протянул руку. Один из молодых аборигенов открыл висевший у него на поясе мешочек, достал небольшую, прямоугольную, гладко отполированную дощечку и положил ее на открытую ладонь. Зунн на несколько секунд сжал дощечку в кулаке, как будто хотел почувствовать заключенное в ней тепло. Затем он перехватил ее двумя пальцами и плотно прижал к губам.

Когда Зунн начал говорить, раздались звуки, похожие на скрежет испорченного синтезатора.

Старик-абориген хлопнул себя ладонью по голому животу и зашелся в беззвучном смехе.

Зунн смущенно улыбнулся и сделал успокаивающий жест рукой – ничего, мол, сейчас еще раз попробую.

Однако и во второй раз у него получилось не лучше.

Аборигены, глядя на него, так заразительно, хотя и беззвучно, смеялись, что, глядя на них, и Брейгель с Орсоном начали улыбаться.

Подроспевшие Осипов с Камохиным терялись в догадках по поводу всеобщего веселья. Со стороны все и в самом деле выглядело чудно – один человек, раздувая губы и щеки, издавал пугающе натужные звуки, как будто вот-вот готов был лопнуть, а остальные, глядя на него, вовсю развлекались, точно это было представление, за которое они заплатили.

Наконец старый абориген смахнул ладонью набежавшие на глаза слезы, подошел к Зунну и хлопнул его пальцами по губам. После чего, прижав два пальца к своим губам, произнес:

– Не надувай губы. Или ничего не получится.

Зунн коротко кивнул и снова попытался что-то сказать, прижав к губам дощечку.

На этот раз звуки, которые он издал, оказались почти членораздельными. Очень поставшись, можно даже было угадать в них слова.

Седой абориген удовлетворенно кивнул.

Зунн предпринял новую попытку:

– У меня... кажется... начинает получаться, – отрывисто произнес он по-английски и, выпустив оставшийся в легких воздух, счастливо улыбнулся.

Старик кивнул, что-то произнес беззвучно и согнутыми пальцами одобрительно похлопал Зунна по груди.

Орсон уже подготовил соответствующий текст на ПДА и, пользуясь случаем, представил Осипова с Камохиным.

Осипов тут же протянул Зунну свой ПДА:

«Каким образом вам удастся издавать звуки?»

Зунн улыбнулся и жестом попросил ученого немного обождать.

Он снова прижал к губам дощечку и, обращаясь ко всем присутствующим, произнес по-английски странным, булькающим голосом:

– Господа, надеюсь никто не станет возражать, если мы перейдем на английский, дабы наши друзья, – свободной рукой он сделал вежливый жест в сторону аборигенов, – не чувствовали себя неловко.

Поскольку возражений не последовало, Зунн продолжил:

– Позвольте представить вам уважаемого Ноя, – указал он на старика, – и двух его племянников, Лиамы и Ксавьера. Я назначил им встречу, и они, как и обещали, пришли. С вами, – обратился он к квестерам, – мы встретились случайно и по недоразумению даже начали было конфликтовать. Вы – профессиональные исследователи аномальных зон. Как я понимаю, наши интересы простираются в несколько иных плоскостях. Однако, смею предположить, вам так же будет интересно то, что здесь должно произойти.

Брейгель толкнул Камохину локтем и показал ему свой ПДА:

«У подножья скалы они пристрелили трех человек в форме ЦИКа. Говорят, те первыми на них напали».

Камохин коротко кивнул и плотно сжал губы. Наемники, черные квестеры, мародеры – с этими им уже доводилось сталкиваться. Но еще одна группа из Центра – полнейший абсурд! Так что либо Зунн лгал, либо... Абсурд!

А Зунн между тем входил во вкус!

– Все мы уже в курсе, что особенностью аномальной зоны, в центре которой мы сейчас находимся, является то, что она погружена в полное безмолвие. Не знаю, как вам, господа, а мне природу данного явления установить не удалось. – В ответ на вопросительный взгляд Зунна Осипов отрицательно качнул головой. – Я так и думал, – удовлетворенно кивнул Зунн. – А вот нашим местным друзьям природа сего явления хорошо известна. Я прав, уважаемый Ной?

– О чем ты? – недоумевающе уставился на Зунна седой абориген.

– Вы ведь знаете, почему мир вдруг погрузился в безмолвие?

Ной закатил глаза и задумчиво посмотрел на небо. Медленно поднес руку с дощечкой к губам:

– Это – Ярэдо Вэнс.

Его племянники смиренно наклонили головы.

Пауза.

Брейгель поднял свой ПДА:

«Ну, и что за парень этот Ярэдо Вэнс?»

Старик Ной ткнул похожим на сучок пальцем в дисплей.

– Я не понимаю эти буквы. – Он локтем толкнул одного из племянников: – Дай им всем окоторо! Пускай говорят, как люди!

Получив отполированную деревянную пластинку, Брейгель поднял ее вверх. На просвет были видны несколько очень тонких щелок, пропиленных в пластинке. Все разной длины и пропиленные под разными углами. Брейгель прижал окоторо к губам и для начала просто дунул. Раздался протяжный, низкий, немного вибрирующий звук. Стрелок довольно улыбнулся и повернулся к Ною:

– Кто такой этот Ярэдо Вэнс?

– Ярэдо Вэнс – это дух великого знания и силы. Ярэдо Вэнс внимательно наблюдает за людьми и следит, чтобы они не возгордились собой, своими знаниями и своими умениями сверх всякой меры. Как только Ярэдо Вэнс видит, что люди перешли границу дозволенного, он указывает им на их ничтожность.

– То есть безмолвие – это наказание?

– Ярэдо Вэнс не наказывает. Он дает возможность понять.

– Понять – что?

Старик лукаво улыбнулся и погрозил Брейгелю пальцем:

– Если будешь много спрашивать, то ничего не поймешь. Ярэдо Вэнс для того и погрузил мир в безмолвие, чтобы у нас была возможность все как следует обдумать в тишине.

– Как я могу что-то понять, если я не понимаю главного – что я должен понять? – Брейгель непонимающе откинул свободную руку в сторону.

Посмотрев на него, старик хлопнул себя ладонью по худому бедру и беззвучно рассмеялся.

– Вы не там ищите смысл, – обратился к Брейгелю и остальным квестерам Зунн. – Обратите внимание на то, что вы держите в руках. – Он поднял вверх деревянную пластинку окоторо, а затем снова прижал ее к губам. – Ной, кто научил вас делать окоторо?

– Меня научил делать окоторо мой отец, – ответил седовласый абориген. – А моего отца научил мой дед. Моего деда – его отец. А отца моего деда – дед моего деда. Я сам научил делать окоторо своих племянников.

– То есть кто и когда сделал первый окоторо, неизвестно?

– Тебе, может, и неизвестно, а я знаю, – лукаво прищурился старик. – Первый окоторо сделал Нурундери – великий вождь, великий герой. Он украл секрет окоторо у кутяара. Нурундери сначала сам научился делать окоторо, а потом научил этому искусству всех остальных людей. И велел им не забывать об этом. Потому что придет время, люди опять возгордятся и Ярэдо Вэнс снова погрузит мир в безмолвие. И тогда только окоторо поможет людям понять друг друга.

– Вы хотите сказать, что в прошлом подобное уже случалось? – приложив окоторо к губам, спросил Осипов.

– Именно, – слегка наклонил голову Зунн.

– Это невозможно! – уверенно заявил Камохин.

– Почему? – удивленно вскинул брови Зунн.

– Потому что об этом было бы известно.

– Уважаемый, вы в курсе, когда была открыта Австралия?

– В начале семнадцатого века.

– А когда жил Нурундери? – спросил у аборигена Орсон.

– Давно, – махнул рукой куда-то в сторону старик. – Очень давно. Белых людей тогда еще не было.

– Не было в Австралии?

– Вообще не было.

– Однако, – качнул головой Орсон.

– Все равно это, – Камохин на секунду отвел в сторону два пальца, в которых у него был зажат окоторо, – не доказательство!

– А что же тогда? – Зунн сделал вид, что крайне удивлен.

– Да все, что угодно! Может быть, манок для кенгуру!

В ответ на его слова старик беззвучно рассмеялся и хлопнул ладонью по голому бедру.

Орсон показал Камохину свой ПДА:

«Не смейся людей, Игорь!!!»

– То есть вы не готовы поверить в то, что в прошлом в Австралии уже возникала подобная аномалия?

– Мне нужны более веские доказательства, чем древние легенды, – буркнул в ответ Камохин.

Вернее, это он хотел буркнуть. И даже попытался. Но окоторо, убрав все обертоны, превратил его речь в ровный, однотонный поток дребезжащих звуков, слипающихся в совершенно невыразительные слова.

Зунн заложил руки за спину и вскинул гладко выбритый подбородок. Он что-то пафосно произнес, но с губ его не слетело ни звука. Тут он сообразил, что дал маху, и быстро прижал к губам окоторо.

– Господа! – снова начал он. – Я здесь для того, чтобы с помощью почтенного Ноя и его племянников совершить древний магический ритуал, который должен открыть нам путь во Время Сновидений. Сейчас, когда та часть мира, где мы находимся, погружена в безмолвие, это наиболее благоприятный момент. Поскольку, как вам, должно быть, известно, Слово играет очень важную роль в магических ритуалах. И когда пространство вокруг не засорено другими словами и звуками, сила Слова возрастает стократно. Верите вы в это или нет, но, если вам это интересно, я готов предложить вам совершить это путешествие вместе с нами. Должен признаться, у меня есть свой корыстный интерес. Двое из вас – ученые, двое других – имеют

опыт встреч с неизвестным и таинственным. Так что ваши наблюдения, несомненно, будут представлять огромный интерес. Не менее важным окажется и ваше слово, если мне придется доказывать, что все, чему вы станете свидетелями, это не мои выдумки и не игра воображения. Мы встретились по чистой случайности, но я искренне рад, что так случилось. Я сделал свое предложение – выбор за вами. Либо вы остаетесь с нами, либо... Ну, я не знаю, какие у вас были планы?

– Постой! – наклонил копье вперед Ной. – Ты говорил, что у тебя есть кут-малчера! Без него мы не сможем попасть во Время Сновидений!

– Я сказал, что найду кут-малчера! – поправил аборигена Зунн. – И я нашел его!

Зунн жестом пригласил старика подойти ближе к большому ящику, служившему столом. И когда тот приблизился, он выложил поверх бумаг квадратную металлическую пластину размером с ладонь.

– Кут-малчера!

Старик отдал копье и нулла-нулла племяннику и благоговейно простер руку над металлической пластиной.

– Пакаль! – произнес беззвучно Брейгель.

Глава 7

Пакаль черного цвета лежал выпуклой стороной вверх. На нем был изображен шестиногий варан. Точно такой же, как и на деревянном амулете, что висел на шее у аборигена.

На всякий случай Осипов взглянул на показания дескана. Никаких сомнений – пакаль настоящий.

– Могу я полюбопытствовать, где вы достали пакаль? – спросил Осипов.

Ему с первого раза удалось должным образом прижать окоторо к губам, и слова его прозвучали вполне разборчиво.

– Пакаль? – удивился Зунн. – Вы называете эти пластинки пакалями? – указал он на тот, что лежал на столе. – Оригинально!

– Так где вы его взяли? Если это, конечно, не секрет.

– Я нашел его здесь! – указал на красноватую скальную плиту Зунн. – Буквально под ногами!

– Вы использовали какое-то оборудование для поисков?

– Разумеется. – Зунн сдвинул в сторону несколько листов бумаги и взял в руку кусок толстой медной проволоки, согнутой под прямым углом. – Так называемая рамка лозоходца. С ее помощью ищут воду, полезные ископаемые, большие подземные полости. Я с ее помощью нашел... пакаль, если угодно.

Зунн зажал короткий конец рамки в кулаке так, чтобы длинный занял горизонтальное положение. Он поднес руку к пакалю, и рамка у него в руке начала быстро вращаться.

– Видите!

Брейгель показал Орсону дисплей ПДА:

«Он морочит нам голову?»

Англичанин в ответ только пожал плечами. Он и сам уже не понимал, заслуживают ли слова Зунна доверия. Но при этом ему было интересно, что же произойдет дальше? И, поскольку пакаль все равно находился у Зунна, Орсон готов был последовать за ним во Время Сновидений. Что бы это ни означало.

Старик-абориген прикрыл пакаль ладонью, и вращение рамки в руке Зунна тотчас же прекратилось.

– О! – несколько удивленно вскинул брови Зунн. – У вас мощная энергетика!

– Когда мы начнем? – прожужжал через окоторо Ной.

– Ну, собственно, все зависит лишь от вас, уважаемый, – отвел одну руку в сторону Зунн. Другой рукой он придерживал у губ окоторо. – У меня все готово.

– А Черное Зеркало?

– Оно – там. – Зунн указал на расщелину, уходящую в глубь скалы. – Я отчетливо видел его, но, как вы и сказали, подходить близко не стал.

Старик коротко кивнул, взял пакаль в руку и показал его по очереди каждому из своих племянников:

– Кут-малчера!

Каждый из молодых аборигенов благоговейно склонил голову перед шестиногим вараном.

Зунн тем временем взял в руку стек и взмахнул им над головой. К нему тотчас же подбежал один из наемников с роскошными рыжими бисмаркскими усами. Зунн показал ему заранее заготовленную карточку. Взглянув на текст, наемник коротко кивнул и легкой рысью, не шибко торопясь, но и без показной лености, побежал передавать приказ остальным. Следовало отдать Зунну должное – система субординации в его отряде работала четко.

– Ну, так что? – обратился Зунн к квестерам. – Каковы ваши дальнейшие планы? Мое предложение все еще в силе.

– Хотелось бы для начала понять, что именно вы затеваете. – ответил за всех Камохин.

– Да, – поддержал его Орсон. – Что такое это Время Сновидений, куда вы нас приглашаете? Надеюсь, это не связано с наркотиками?

– О нет! – улыбнулся Зунн. – Это сильнее любых наркотиков! Если у нас получится, то мы проложим тропу в мир неведомого!

– А вы уверены в том, что стоит это делать? – проявил благоразумную осторожность Брейгель, который, как и все квестеры, тут же вспомнил, что Камохину уже довелось побывать в мире неведомого. И ему еще здорово повезло, что удалось оттуда вернуться.

– Любой шаг, раздвигающий границы познания, так или иначе связан с риском, – сказал на это Зунн. – Если бы в свое время кто-то не пошел на риск, у нас сейчас не было бы ни электричества, ни ядерной энергии, ни космических кораблей...

– Если Сезон Катастроф не закончится, скоро у нас всего этого снова не будет, – заметил Орсон. – Только безумным везением можно объяснить то, что после его начала еще не рванула ни одна атомная станция.

– И как вы полагаете, можно ли положить этому конец? – поинтересовался Зунн.

– Я не знаю, – покачал головой Осипов.

– Но вы же ученый!

– Для того чтобы делать какие-то выводы, мне не хватает информации.

– Вот! – Щелкнув пальцами, Зунн направил указательный на квестера. – Именно так! Нам всем катастрофически не хватает информации о том, что происходит! Мы лишь строим догадки, которые вряд ли помогут найти правильный ответ. А им, – Зунн кивнул на аборигенов, – известна самая суть вещей! Вот только за многие тысячелетия, минувшие с тех пор, как предкам Ноя довелось столкнуться с чем-то очень похожим на то, что происходит сейчас, истина оказалась погребена под напластованиями мифологических символов и образов. Обитатели древней Австралии не могли дать объяснения происходящему, точно так же как мы не можем сделать этого сейчас. Чтобы установить хоть какую-то определенность, мы оперируем понятиями, почерпнутыми из современной космогонии, которые в большинстве своем так же символичны, как и мифологические архетипы, использованные аборигенами для определения тех же самых событий и явлений. И как они не смогли бы понять наши рассказы о сингулярностях и иных измерениях, так и нам непонятны их мифологические образы.

– То есть как ни крути, мы все равно ничего не понимаем, – сделал вполне закономерный, как ему казалось, вывод Брейгель.

– У нас появился шанс понять! – азартно взмахнул свободной рукой Зунн. – Для этого мы должны объединить свои знания с колдовской практикой Ноя!

– Так он еще и колдун? – изумленно посмотрел на старика-аборигена Орсон.

Тот с важным видом кивнул.

«ОБАЛДЕТЬ!» – написал на своем ПДА Брейгель.

Ему никто не ответил.

Видимо, все подумали примерно то же самое, что и Ян.

– А можно чуть-чуть поподробнее о том, что именно будет происходить, когда мы начнем... это... – Орсон сделал круговое движение сжатой в кулак рукой, как ведьма, мешающая зелье в кипящем на огне котле. – Ну, в смысле колдовать...

Зунн загадочно улыбнулся и поднял вверх указательный палец.

– Малчера! – произнес он столь многозначительно, что это можно было услышать даже сквозь подвывания и скрежет, в которые обращал звуки голоса окоторо. – Так называют аборигены период перед сотворением мира. То время, когда не было не только Земли, но вообще ничего материального. В языке каждого из племен у него есть свое название: Алчеринга, Мура-

Мура, Тякуррпа. Но означает все это одно и то же: Время Сновидений. То есть то, что было тогда, когда еще ничего не было, даже самого времени.

– То есть до Большого Взрыва? – уточнил Осипов.

– Возможно, – слегка наклонил голову Зунн. – Хотя, я полагаю, что в мифе о Времени Сновидений речь идет о ином измерении. Или, как вариант, о другом времени. Легенде о Времени Сновидений более пятидесяти тысяч лет. Австралийские аборигены уверены, что все живые существа на Земле составляют одну огромную систему. Нечто вроде паутины, в которой все со всем связано. Что бы ни происходило в мире – все оставляет после себя след или знак в этой системе, которая была создана не физическими, обратите внимание, а духовными их предками из Времени Сновидений. Более того! – Зунн вновь вознес к небесам указательный палец. – Аборигены уверены, что Время Сновидений существует и поныне! Оно располагается за пределами нашего материального, видимого и осязаемого мира. Однако посредством магических обрядов до него можно добраться. – Зунн откинул руку в сторону. – Что, собственно, мы и попытаемся сделать.

Пока Зунн все это рассказывал, Камохин краем глаза наблюдал за действиями наемников. Они вскрывали ящики и доставали из них переносные электрогенераторы, большие пластиковые канистры, должно быть, с горючим, тяжелые мотки толстых черных кабелей, переносные софиты и складные стойки для них, свернутые экраны средних размеров. Все это они заносили в узкую расщелину, на которую указал Зунн. Работали они быстро и споро, лишь изредка объясняя что-то друг другу знаками. Их запросто можно было принять за техников, прибывших на место чуть раньше остальных членов съемочной группы, чтобы заблаговременно выставить свет в пещере, где будут снимать несколько ключевых сцен нового блокбастера. Если бы не автоматы, которые они не отложили в стороны, а зафиксировали за спинами. На всякий случай. Как будто все еще опасались нападения. Камохину это не то чтобы не нравилось, но настораживало. И вызывало ряд вопросов, разумеется. Озвучивать которые сейчас был явно не время. Сейчас Камохин пытался придумать, как бы заполучить единственный пакаль из сорок восьмой зоны, который Зунн, похоже, вознамерился презентовать аборигенам. Попытаться выменять его на нож или зеркало? Или с нынешними аборигенами такие фокусы не проходят?..

– Если честно, что вы рассчитываете увидеть во Времени Сновидений? – поинтересовался Осипов.

– Легенды аборигенов рассказывают много интересного о Времени Сновидений, – ответил Зунн. – И о тех временах, что наступили сразу после него. Так, например, в легенде о появлении человека весьма наглядно рассказывается об эволюции, о том, как возникло все то многообразие живых существ, которое мы сейчас наблюдаем. Но самое удивительное, что появление человека во плоти – прежде он был только духом – сопровождалось явлением, весьма напоминающим ядерный взрыв.

– То есть аборигены первыми выдвинули гипотезу о том, что предки человека подверглись радиационной мутации? – удивленно прожужжал сквозь окоторо Орсон.

– Нет! – отрицательно взмахнул стеком Зунн. – Для аборигенов это не гипотеза! Для них это истина в последней инстанции! Факт, не подлежащий сомнению.

– Как я понимаю, аборигены не говорят прямо о ядерном взрыве и о воздействии радиации, – решил высказать свои соображения Осипов. – Они используют некие образы, которые вы трактуете так, как вам кажется верным.

– Или так, как мне нужно, – усмехнулся Зунн.

– Вы сами это сказали, – едва заметно улыбнулся в ответ Осипов.

– Вы обвиняете меня в подтасовке фактов?

– Вовсе нет. Всего лишь проявляю здоровый скептицизм. Как и положено ученому.

– Как ученый, я перелопатил груды материалов. Ко многим из которых, помимо меня, доступа не было ни у кого. И я готов обосновать все выводы, которые я делаю. Только сейчас, как я полагаю, не самое подходящее время для научной дискуссии.

– Времени совсем нет, – добавил старый абориген и острием копья указал на небо.

Там действительно происходило нечто необычное, если не сказать более – странное. Небо потемнело, будто налилось чернилами. Легкие перистые облака, что прежде были будто нарисованы на лазурном куполе, сделались грязно-коричневыми, изогнулись и будто бы начали скручиваться в тугую спираль, центр которой располагался точно над тем местом, где находились люди. Воздух сделался тяжелым и неподвижным, словно налился свинцом. Все это, окруженное стеной тишины, казалось, таило в себе какую-то угрозу, которая в любой момент могла вырваться наружу.

– Что происходит? – спросил у Ноя Брейгель.

– Непелле, небесный правитель, готовит путь, чтобы Радужный Змей мог спуститься на землю, – торжественно произнес абориген.

– Зачем?

– Радужный Змей приходит в мир людей для того, чтобы что-то в нем изменить.

– И что он собирается сделать?

– О! – Старик вскинул голову, как будто подавился рыбьей костью. – Это знает только он один. – Ной лукаво прищурился. – Как бы там дело ни обернулось, нам лучше укрыться от дождя.

– Как я уже сказал, господа, я не собираюсь сейчас дискутировать, – продолжил Зунн. – Я лишь излагаю факты. Которые лично для меня бесспорны. Вам они кажутся невероятными, поскольку прежде вы о них не слышали. Это и неудивительно – для осмысления любой новой информации требуется время. Кому-то больше, кому-то меньше. Но заметьте, – по своей обычной привычке Зунн выставил вверх указательный палец, продолжая при этом сжимать в кулаке стек, – я не предлагаю вам верить мне на слово. Я предлагаю вам все увидеть своими глазами. Если, конечно, нам удастся совершить задуманное.

– Удастся, – уверенно кивнул старик Ной. – Теперь, когда Ярэдо Вэнс погрузил мир в безмолвие, а Радужный Змей готовится ступить на землю, у нас все получится. – Абориген зажал окоторо широкими губами и вскинул к плечу сжатую в кулак руку, которой он за угол держал пакаль. – У нас есть кут-малчера, и мы нашли Черное Зеркало!

– Круто, – угрюмо кивнул Камохин. – Очень круто.

Он чувствовал себя крайне неуютно среди всей этой мистической чепухи. Хотя пару раз у него уже была возможность убедиться в том, что не такая уж это чепуха, как кажется. На самом деле Камохину просто не хотелось во все это ввязываться, потому что он предпочитал, чтобы в жизни все было ясно и по возможности просто. Настолько, чтобы можно было обойтись без психodelии и расширения сознания. Однако его коллеги сейчас именно к этому и стремились.

– А во Времени Сновидений есть что-нибудь более увлекательное, чем ядерный взрыв? – поинтересовался Брейгель.

– Во Времени Сновидений есть все, – уверенно заявил Ной.

Теперь старику даже не требовалось держать окоторо рукой – он говорил, прижимая его губами к зубам.

– В легендах рассказывается о городах с множеством домов, выстроенных из камня, об удивительных светлокожих людях с длинными золотыми волосами...

– И о кутяара, – вставил Ной.

Лучше других умея владеть окоторо, он мог заставить свой голос звучать так, что голоса других на его фоне будто смазывались, а слова становились неразборчивыми.

– Это еще кто такие?

– Люди-ящеры из Времени Сновидений.

– Они хорошие или плохие?

– Они кутяара – у них своя Игра.

Осипов с Орсоном переглянулись.

– Снова Игра?

– Кутяара любят играть, – кивнул старик. – Но только в свою Игру.

– И что же это за Игра?

– Они никому про нее не рассказывают. Но Нурундери говорил, что кутяара никогда нельзя верить до конца. Что бы кутяара ни делали – для них это лишь Игра. Даже наш мир они создали только ради Игры.

Ослепительно-яркая молния разорвала небо над головами людей от края и до края. Все вокруг будто полыхнуло белым пламенем. Все невольно замерли, ожидая оглушительных раскатов грома, которые должны были за этим последовать. Но погрузивший мир в безмолвие Ярзьедо Вэнс, видно, хорошо знал свое дело.

– Господа!..

Зунн так высоко вскинул руку с зажатым в ней стеклом, как будто вознамерился поймать его концом следующую молнию.

– Мы с радостью принимаем ваше предложение, господин Зунн! – поспешно, будто боясь опоздать, ответил за всех Осипов.

Зунн опустил стек и ткнул его конец в угол ящика.

– Просто Генрих, если не возражаете.

– Весьма польщен.

Осипов попытался изобразить церемонный поклон. Но окоторо выскользнуло у него из пальцев, и, чтобы поймать его, квестеру пришлось резко согнуться в поясе и выбросить в сторону правую руку. Так что в итоге фигура получилась несколько странная.

Однако Зунн даже не улыбнулся. Плотно сжав губы, он ответил Осипову по-военному четким, до миллиметра выверенным поклоном.

– В путешествии по Времени Сновидений мы ваши верные спутники, Генрих! – поддержал товарища Орсон.

Брейгель щелкнул пальцами и указательным отсалютовал Зунну.

Камохин болезненно поморщился.

Небо вновь разорвала безумно яркая молния.

Первая тяжелая капля дождя упала на лист бумаги, прибив его к крышке ящика, словно гвоздь.

Глава 8

Расщелина была шириной чуть более метра. Два человека могли разойтись в ней, лишь прижавшись спинами к красноватым стенам, которые почти вертикально поднимались на трехметровую высоту и только там сходились вместе почти под прямым углом, будто падая друг на друга. Из-за столь необычной формы расщелины, а также и по причине ярких пятен огней, блуждающих по стенам, создавалось впечатление, что две опирающиеся друг на друга плиты находятся в состоянии крайне неустойчивого равновесия и готовы рухнуть при малейшем колебании, погребя под обломками всех, кто находился внизу. Однако это была всего лишь иллюзия – проход представлял собой трещину в монолитном скальном массиве, образовавшуюся, быть может, в те незапамятные времена, когда Улуру лежала на дне озера Амадиус, от которого ныне остались только пятна соли, разбросанные по поверхности пустыни, да редкие лужицы соленой, непригодной для питья воды.

У самого входа в расщелину стояли, сдвинутые к стенам, два металлических турникета с табличками:

Частная собственность!

Проход для туристов воспрещен!

– И на чью же частную собственность мы сейчас покушаемся? – поинтересовался Камохин.

– Пещера, как и вся скала, принадлежит племени анагу, – объяснил Зунн. – Государство платит аборигенам арендную плату за право использовать скалу как туристический объект.

– Выходит, это твоя скала? – дружески подмигнул Брейгель одному из племянников Ноя, кажется, Лиаму.

Абориген с серьезным видом кивнул.

– А почему туристам нельзя входить в пещеру?

– Улуру – священное место, – ответил на этот раз Ной. – А минга не умеют себя вести так, как того требуют духи.

– Минга? – удивленно переспросил Брейгель.

Ной усмехнулся и ничего не ответил.

– Что значит минга? – дребезжащим, как щепка, шепотом спросил Брейгель у Лиамы.

– Так анангу называют черных муравьев, – так же тихо ответил молодой абориген. – И туристов, которые, как муравьи, ползают по Улуру.

Подручные Зунна уже успели занести в расщелину электрогенераторы, которые сейчас безмолвно пыхтели на металлических козлах, установленных вдоль левой стены. Черные кабели, подсоединенные к генераторам, тянулись в глубь пещеры.

Едва наемники успели занести в расщелину последние ящики, как с неба сплошной стеной обрушился дождь. Тотчас же по полу пещеры зазмеились тоненькие струйки воды, которые на глазах становились все шире. Теперь стало понятно, для чего электрогенераторы были подняты на козлы – в противном случае их бы залило водой.

Отведя племянников в сторону, Ной вручил им два небольших и, судя по всему, не очень тяжелых мешка. При этом он давал братьям какие-то наставления, но, поскольку делал он это на языке аборигенов, если кто и понимал его, так, может, только Зунн. Который со всей серьезностью занимался экипировкой. Как будто собирался не пещеру осматривать, а Эверест покорять. Зунн повесил себе на шею большой кожаный кофр с множеством отделений, карманов и кармашков и, переходя от одного открытого ящика к другому, методично набивал его походным инвентарем, лекарствами и всевозможной мелочовкой вроде одноразовых зажигалок, перочинных ножей, крошечных фонариков, зажимов и карабинов. Больше всего удивило Осипова, который в этот момент как раз оказался рядом с Зунном, когда тот открыл

коробку, полную небольших металлических статуэток. Все статуэтки были одинаковые, размером с фалангу среднего пальца, и изображали сидящих с гордым видом лягушек. Зунн, не задумываясь, зачерпнул из коробки горсть металлических лягушек и ссыпал их в один из карманов своего кофра. Осипов постарался сделать вид, что ничего странного в этом не находит. Но Зунн все же заметил его заинтересованный взгляд.

– Вам бы я тоже посоветовал как следует экипироваться, – сказал он, прижав к губам окоторо. – Мы ведь даже понятия не имеем, с чем можем столкнуться там, куда собираемся отправиться. Значит, нужно быть готовыми ко всему!

– У нас все с собой. – Осипов подкинул рюкзак на плечах.

– Такого у вас нет!

Зунн двумя пальцами взял из коробки лягушку и показал ее квестеру.

Осипов непонимающе пожал плечами:

– Зачем?

– Ну, кто знает, – загадочно прожужжал в окоторо Зунн. – Вдруг пригодится?.. Впрочем, решайте сами! – Он кинул лягушку назад в коробку, на грудь других, таких же, как она. – Но вот это возьмите непременно! – Он сунул квестеру в руки большой фонарь с ручкой и ремешком, чтобы можно было повесить на плечо.

– Спасибо, – не стал отказываться квестер.

Зунн коротко кивнул в ответ и перешел к следующему ящику.

Осипов заглянул в коробку с лягушками, подумал, взял четыре штуки и кинул в карман. На всякий случай. Не пригодятся – можно будет потом подарить ребятам в ЦИКе как австралийские сувениры.

– Это что такое? – прожужжал над ухом у Осипова Орсон.

– Лягушки. – Осипов протянул англичанину одно из металлических земноводных.

Биолог покрутил лягушку в пальцах.

– Вид определить затрудняюсь.

– Китайская, – уверенно заявил Осипов.

Биолог еще раз внимательно осмотрел лягушку.

– С чего ты взял?

– Все игрушки и сувениры делают в Китае.

– А, ты об этом.

Орсон перевернул лягушку. На плоском основании было выдавлено:

CHINA

– А смысл?

– Какой может быть смысл в лягушке?

– Китайская сувенирная лягушка на священной скале австралийских аборигенов. – Орсон пристроил лягушку на небольшой каменный выступ на стене. – Причем, – он заглянул в коробку, – их тут не меньше полусотни. Хочешь сказать, Зунн прихватил их по чистой случайности?

– Зунн рекомендовал и нам их себе взять.

– Во Время Сновидений?

– Именно.

– Зачем?

– Этого он не сказал.

– О чем спор? – спросил, подойдя к ученым, Камохин.

– Протяни руку, – велел ему Орсон.

Стрелок без раздумий сделал, как ему велели, – он знал, что ученые из его группы ничего не говорят и не делают просто так, – и англичанин насыпал ему полную ладонь металлических лягушек.

– Что это? – спросил Камохин.

– Китайские лягушки, – ответил биолог. – Наверное, они что-то собой символизируют, но что именно, я не знаю.

– «Лягушка в своей луже большую часть дня квакает от ощущения радости жизни и хвалит меня в этой квакающей радости за то, что имеет жизнь», – произнес, повернувшись в их сторону, Генрих Зунн. – Это слова штирийского мистика Якова Лорбера.

Камохин подкинул лягушек на ладони, как монеты, которые должны бы были звякнуть, если бы дело происходило не в аномальной зоне, а на обычной земле. Стрелок выгнул губы и посмотрел на Осипова, надеясь, что хотя бы он объяснит ему, что все это значит. Осипов пожал плечами и едва заметно качнул головой.

– Ну, ладно, – произнес беззвучно Камохин и ссыпал лягушек в карман.

К тому, что многое из того, что происходит вокруг, не имеет никакого смысла, а следовательно, пытаться докопаться до него – только попусту тратить время, он тоже успел привыкнуть. Некоторые вещи следовало принимать такими, какие они есть, не пытаясь понять и не задавая вопросов. Достаточно принять эту максиму – и все становится гораздо проще. Особенно в аномальной зоне. Так, например, если кто-то говорит «раз», то сей факт вовсе не означает, что за этим последует «два». Более того, любой ответ, даже самый нелогичный и несурзанный, в данной ситуации будет неверен. Какое бы число вы ни рассчитывали услышать после пресловутого «раз», скорее всего, это будет не оно. Попробуйте это понять, и вывих мозга вам гарантирован.

– Там лягушек раздают, – сообщил Камохин Брейгелю, кивнув в сторону ученых.

– Да ты что! – обрадовался Брейгель и поспешил к раздаче.

Камохин посмотрел ему вслед и удрученно покачал головой.

– А ты, часом, не знаешь, для чего нужны лягушки? – спросил он у молодого аборигена по имени Ксавьер.

Тот широко улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– А что насчет Времени Сновидений? – продолжал допытываться Камохин.

– Я там никогда не был, – прожужжал через окоторо Ксавьер.

Ответ был исчерпывающий.

– Ладно, – кивнул Камохин. – Тогда научи меня, как это ты так ловко управляешься с окоторо без рук.

Ксавьер вывернул наружу широкие губы и показал, как нужно прижимать ими окоторо к зубам. Все было не так уж сложно, и после нескольких попыток у Камохина получилось удерживать окоторо без помощи рук и даже издавать вполне членораздельные звуки. В этом был большой плюс, поскольку рука, постоянно занятая окоторо, лишала человека возможности делать ею что-либо другое. А уронив окоторо, сразу станешь немым.

Дождь снаружи не утихал. Казалось, вся вода, что была на небесах, должна была сегодня пролиться на скалу Улуру. Под ногами уже змеились не тоненькие ниточки, а широкие ленты воды, которая целеустремленно бежала в глубь расщелины. Куда, как полагали квестеры, и они должны были податься. Однако Зунн продолжал набивать свой кофр предметами из ящиков, как будто вознамерился взять с собой хотя бы по одному экземпляру всего, что в них находилось. Время от времени он знаком подзывал одного из подручных и показывал ему заранее заготовленную карточку, после чего тот бежал за новым ящиком. А старый Ной читал своим племянникам какую-то бесконечно долгую лекцию на языке аборигенов, которую, судя по откровенно скучающим выражениям лиц Лиама и Ксавьера, они слышали уже множество раз и знали почти наизусть.

Наконец Зунн показал одному из своих подручных – тому самому высокому, немного сутулому мужчине лет сорока, с рыжими обвисшими усами, к которому он обращался чаще всего, – карточку, на которой, по всей видимости, был записан приказ начинать двигаться дальше, в глубь пещеры. Наемник быстро коснулся двумя пальцами поля шляпы и побежал передавать приказ остальным. Четверо наемников, подхватив мотки кабелей и софиты на стойках, двинулись вперед. Трое других с оружием в руках приготовились занять место в тылу отряда.

– Мы ожидаем гостей? – спросил у Зунна Орсон.

– Простите? – непонимающе поднял бровь тот.

– Ваши люди строятся в боевом порядке, как будто боятся нападения.

– Все возможно, – коротко бросил Зунн.

– Простите, но мне хотелось бы знать...

– Друг мой, – перебил англичанина Зунн, – я и сам пока ничего не знаю. Я лишь предпринимаю необходимые меры безопасности. Если кто-то и знает о том, что нас ждет, так это Ной. Но расспрашивать его бесполезно. Для него мы всего лишь минга.

– Почему же он согласился помогать вам?

– Потому что без нас у него не было бы ни малейшего шанса увидеть Время Сновидений. Я отыскал для него кут-малчера, по-вашему, пакаль – необходимый атрибут для совершения обряда.

– Вы действительно верите, что с помощью колдовства можно открыть врата в иной мир?

– Стал бы я заниматься этим, если бы не верил? – усмехнулся Зунн.

Они двигались по узкому проходу, освещая путь фонарями. Под ногами безмолвно плескалась вода, которая бежала вперед, как будто стремясь обогнать исследователей. И, в общем, ей это пока удавалось. В воде змеились кабели, подсоединенные к оставшимся у входа электрогенераторам. Глядя на них, Камохин подумал, что было бы достаточно перерубить один из них ножом, чтобы всем разом пришел конец. Оставалось надеяться на то, что в отличие от лягушек кабели Зунн покупал не китайские, и с обмоткой у них все было в порядке. Вспомнив о лягушках, Камохин сунул руку в карман, достал одну из них и незаметно кинул в воду. Зачем он это сделал, Игорь и сам не знал. Просто вдруг внезапно ему захотелось это сделать. Может быть, потому, что лягушке самое место в воде?

Вскоре проход сделался шире, а пол пещеры заметно приподнялся. Вода в этом месте собиралась в большую, но неглубокую лужу. Судя по всему, в полу имелись трещины, через которые вода медленно просачивалась куда-то вниз.

Лучи фонарей блуждали по стенам, менявшим цвет от красного до почти черного. Почему-то в подземелье тишина казалась особенно гнетущей. Казалось, она давит на шею и затылок, пытаясь пригнуть голову вниз. Звуки же, издаваемые с помощью окоторо, отражаясь от стен, превращались в фантастически пугающие голоса демонов.

– Простите, уважаемый, – догнав Ноя, обратился к старику Осипов. – Могу я попросить вас показать мне кут-малчера?

Искоса взглянув на квестера, абориген молча достал из мешочка на поясе пакаль и протянул Осипову.

С наружной, выпуклой стороны был изображен шестиногий варан. Осипов перевернул пакаль. Обратная, плоская сторона пластины была абсолютно гладкой. Будто не доверяя глазам, Осипов провел по плоской стороне пакаля ладонью – ни единой впадинки. Да и на вес пакаль казался легче, чем обычно. Осипов взял квадратную пластинку за угол и коротко, резко взмахнул ею.

– Это не настоящий кут-малчера. Это подделка.

Ной довольно улыбнулся, спрятал пластинку с вараном в мешочек, вытащил из нее другую и вручил ее Осипову. На пластинке был точно такой же варан, как и на предыдущей. Но

на обратной ее стороне по углам были выдавлены две короткие прямые линии, а почти возле самого центра – небольшой кружок.

– Настоящий? – испытующе посмотрел на квестера Ной.

– Да, – ответил тот.

Старик удовлетворенно кивнул.

– Ты понимаешь, – сказал он, не уточнив, о чем именно идет речь.

Впрочем, этого и не требовалось.

– У тебя много вопросов, – сказал Ной. – И я не смогу ответить на все.

– Вы не знаете ответов или не можете мне сказать? – решил уточнить Осипов.

– Если бы я знал ответы на все вопросы, я был бы самым могучим человеком на Земле, – ответил абориген.

– Значит, я могу вас о чем-то спросить?

– Как я могу тебе это запретить? – на ходу слегка развел руками абориген. Из-за звуков голоса, искаженного окоторо, невозможно было понять, говорил ли он серьезно или усмеялся. – Начни, а там посмотрим.

Задавать вопросы – это было похоже на излюбленную Игру «серых». Имея некоторый навык в этой странной Игре, Осипов понимал, что очень многое, если не все, зависит от первого вопроса. Если по какой-то причине Ную он не понравится, абориген и на другие не станет отвечать. Или же станет давать односложные, ничего не значащие ответы, из которых все равно ничего невозможно понять.

– У вас есть свои дети, Ной?

Абориген бросил заинтересованный взгляд на квестера. Из чего Осипов сделал вывод, что ему удалось, по крайней мере, удивить старика.

– У меня четверо детей, – ответил Ной.

– Почему же вы привели с собой не своих детей, а племянников?

Ной довольно улыбнулся:

– Есть вещи, которые вам, белым, никогда не понять!

– Согласен, – кивнул Осипов.

– Лиам и Ксавьер – дети моей младшей сестры. Дядя по материнской линии – самый уважаемый человек в любой семье. Поэтому эти двое мальчишек с детства были для меня все равно что сыновья. Только если для сыновей я был просто отцом, которого они, разумеется, уважали, но с которым, если что, можно и поспорить, а то и вовсе пойти ему наперекор, то для детей Сирины, моей сестры, я всегда был и остаюсь непререкаемым авторитетом. Лиам очень умный мальчик, в школе был отличником. Но когда он собрался поступать в колледж в Мпарнтве – это город, который вы, белые, называете Элис-Спринг, – я только сказал ему: «Останься, и я научу тебя тому, чему не смогут научить ни в одном колледже». И Лиам остался. Не принимай меня за глупого старика – я понимаю, что люди должны учиться, чтобы овладевать новыми знаниями. Новые знания – это то, что позволяет всем нам вместе двигаться вперед по жизненному пути. Но должны быть и те, кто свято хранит традиции, потому что старые знания ничуть не менее важны, чем новые. Вся разница в том, что новые знания нам требуются каждый день, а к старым приходится прибегать в такие моменты, как сейчас, когда мир стоит на краю гибели.

– Мир может погибнуть? – насторожился Осипов.

– Откуда мне знать, – пожал плечами Ной. – Я всего лишь старый абориген.

– А как же знания предков?

– Я знаю все то же самое, что известно каждому коренному обитателю Австралии. Ваши предки должны были и вам об этом рассказывать. Но среди белых возобладали новые знания. Вы забыли веру своих отцов, забыли древних, истинных богов. Вы называете нас дикарями, а сами поклоняетесь человеку, умершему на кресте, и даже кресту, на котором он был убит.

По-моему, это и есть самая настоящая дикость. Мы, по крайней мере, никогда не поклонялись дубинкам, которыми разбивали головы своих врагов, или копьям, которыми пронзали их тела.

Спорить о религии – все равно что спорить о футболе. Сколько доводов ни приводи, все равно каждый останется фанатом своей команды. Поэтому Осипов счел за лучшее сменить тему.

– Вы знаете, что это? – показал он аборигену пакаль.

– Кут-малчера, – ответил тот.

– Понятно, – кивнул Осипов. – Но что он собой представляет?

– Это – кут-малчера, – повторил старик.

– Хорошо. – Квестер решил подойти к вопросу иначе: – Для чего нужен кут-малчера? Каково его назначение?

– Кут-малчера можно использовать самыми разными способами и для самых разных целей.

– Палку тоже можно использовать множеством различных способов.

– Ты молодец, – одобрительно глянул на собеседника Ной. – Быстро схватываешь суть.

– Так как вы собираетесь использовать кут-малчера? – продолжал гнуть свою линию Осипов.

– Я собираюсь с его помощью отыскать путь во Время Сновидений.

– Я могу спросить?...

– Да, пожалуйста, спрашивай!

– Как именно вы собираетесь использовать кут-малчера?

– Не знаю, – беззаботно развел руками абориген. – Я никогда прежде этого не делал. У меня никогда прежде не было настоящего кут-малчера.

Подобное заявление несколько озадачило Осипова. Старик понятия не имел, что он собирается делать, но при этом был почти уверен в том, что ему удастся найти путь во Время Сновидений. Звучало это по меньшей мере странно. Либо он чего-то недопонимал, либо абориген чего-то недоговаривал.

– Тогда откуда вы знаете, что кут-малчера способен указать путь во Время Сновидений?

– Об этом говорится в легендах. Для того чтобы отыскать путь во Время Сновидений, нужен кут-малчера и Черное Зеркало.

– Что такое Черное Зеркало?

Абориген недовольно посмотрел на Осипова и с досадой покачал головой.

– Черное Зеркало – это Черное Зеркало.

Что ж, вполне конкретный ответ.

– Вы можете мне его показать?

– Оно в глубине пещеры, – острием копья указал направление абориген. – Во всяком случае, так говорит Зунн.

Стены пещеры, по которым то и дело скользили лучи фонарей, были испещрены примитивными рисунками древних обитателей Австралии. По большей части они были выполнены охряными красками. Схематичные, порой всего в несколько штрихов, но при этом абсолютно реалистичные изображения животных, птиц и рыб позволяли безошибочно определить видовую принадлежность каждого нарисованного на камне существа. Иногда меж ними попадались изображения людей, занятых повседневными делами – охотой, рыбалкой, приготовлением пищи, танцами у костра. Но чем дальше в глубь пещеры продвигался отряд, тем более причудливыми и необычными делались рисунки на стенах. Животные превращались в удивительных мутантов, в образах которых сливались воедино характерные признаки двух, а то и трех представителей самых разных родов. Рыбы с птичьими крыльями, собаки с крокодиловыми хвостами, ящерицы с птичьими клювами, кенгуру с собачьими головами и рыбьими плавниками... Стоп! Среди прочих монстров на стене изображен утконос – одно из самых причудли-

вых животных на Земле. Продолжали встречаться и изображения людей. Но если прежде они были неподвижными, то теперь все человеческие фигуры были нарисованы в движении. Люди куда-то бежали, широко раскидывая ноги, метали копья и бумеранги, подпрыгивали, вытянув руки вверх, как будто пытаясь не поймать, а ухватить что-то, находящееся высоко у них над головами, может быть, даже на небе.

Внезапно стены и пол пещеры содрогнулись. Из щелей посыпалась пыль.

Все испуганно замерли на месте. Попасть под обвал было бы не самым лучшим из того, что могло с ними случиться.

– Не бойтесь! – громко прожужжал через окоторо Ной. – Все в порядке! Это Радужный Змей ступил на Улуру!

Брейгель показал Орсону ПДА:

«Меня такое объяснение не устраивает!»

«Ты не веришь в Радужного Змея?» – тут же отозвался биолог.

Брейгель уныло махнул рукой – ему сейчас совершенно не хотелось шутить. Он не страдал клаустрофобией, но и не испытывал особого удовольствия от пребывания под грудой трясущихся камней.

– Посмотри на рисунки, – лучом фонаря указал на стену Орсон.

– И – что?

– Как по-твоему, сколько им лет?

– Несколько тысяч?

– Вот именно! За все эти годы пещера не обрушилась.

– Бамалама, Док, а ты не думаешь, что чем дольше она стоит, тем ближе тот момент, когда она обвалится?

В словах стрелка была своя логика. Но Орсон не собирался с ней считаться.

– Нам это не грозит! – уверенно заявил он и быстро зашагал следом за остальными.

– Почему? – догнал его Брейгель.

– Мы еще не выполнили возложенную на нас миссию!

– Не добыли пакаль?

– Не спасли мир!

– Все бы тебе шутить, Док, – покачал головой Брейгель. – Я и сам люблю пошутить. Но не в такой же ситуации!

– А чем тебе ситуация не нравится?

– Мне не нравится Радужный Змей, непонятно зачем спустившийся с небес, не нравится Ярэдо Вэнс, погрузивший мир в тишину... Эй, Ксавьер! – окликнул Брейгель шагнувшего чуть впереди аборигена. – Скажи, что нужно от нас Ярэдо Вэнсу?

– Ему ничего не нужно, – ответил тот.

– Вот видишь! – усмехнулся стрелок, обращаясь к биологу. – Ярэдо Вэнсу, оказывается, ничего от нас не нужно. Бамалама, мне не нравится то, что я ничего в этом не понимаю!

– Интересно, что сказала бы на это Ириша? – задумчиво произнес англичанин.

– Ну да, – вторя ему, кивнул Брейгель. – Очень интересно. У нее ведь есть ответы на все вопросы.

– За исключением одного, – уточнил Орсон. – Она до сих пор не может понять смысла Игры.

– А я так думаю, что, если даже Ириша не может этого понять, значит, нет в этом никакого смысла.

– Если бы не было, она бы так и сказала.

– Тоже верно, – согласился стрелок.

Осипов вернул Ною пакаль.

– Скажите, а откуда у вас другой, поддельный кут-малчера?

– Он не поддельный, он просто не настоящий, – ответил абориген. – Это тотем нашего рода.

– Но он сделан из металла.

– Разумеется. Это современная копия родового тотема. – Ной показал деревянную табличку с изображением шестиногого варана. – Мой брат сделал его в своей мастерской. Он делает сувениры для минга. Минга ничего не понимают в этой жизни, а только покупают разные вещи, которые им совершенно не нужны.

– Но на обратной стороне настоящего кут-малчера нанесены знаки.

– Эти знаки нельзя копировать! – быстро-быстро затряс головой Ной. – Они не из нашего мира! Их оставили кутяара! Эти знаки таят в себе секреты Древних! Тот, кто постигнет их, выпустит в мир Великое Зло!

– Кто такие кутяара?

– Кутяара – это люди-ящеры из Времени Сновидений?

– Значит, мы увидим их, когда попадем во Время Сновидений.

– Возможно. Время Сновидений столь велико, что его не охватить одним взглядом. Кутяара стали редко появляться на Земле. Последних видел мой дед, когда еще был ребенком.

– Кутяара похожи на ящеров?

– У них сущность ящеров.

Информации было слишком много. Она была столь необычная и разнообразная, что никак не желала укладываться в каком-то определенном порядке, так, чтобы все встало на свои места. Пока она представляла собой лишь довольно хаотичное нагромождение фактов.

– Почему у варана на вашем тотеме шесть ног?

– Потому что это не варан, а вуви. Он внешне похож на варана, но намного крупнее и злее. Все звери боятся вуви.

– Это зверь из Времени Сновидений! – догадался Осипов.

– Нет, – качнул головой Ной. – Вуви жил в районе Риверины, его логово было в пещере на берегу великой реки Мюррей.

– Далеко отсюда.

– Да, недалеко.

– Так вуви был всего один?

– Кто знает? Но никто не видел несколько вуви одновременно. Так что, может быть, и один.

– Но сейчас вуви нет на берегу реки Мюррей?

– Однажды водяные крысы, которых вуви ел чаще и больше, чем остальных зверей, подговорили остальных животных. Они натаскали хвороста ко входу в пещеру, где жил вуви, и подожгли его. Вуви вступил в бой с огнем, продолжавшийся шесть дней. На седьмой день обгоревший, обессиленный и почти ослепший вуви выполз из пещеры. И тогда звери принялись добивать его камнями, копьями и нулла-нулла. Даже сейчас, когда ветер задувает в пещеру, можно услышать, как стонет умирающий вуви.

Осипову наконец-то стало ясно, что он слушает легенду. Старый Ной наверняка знал их множество.

– Давно это было? – спросил квестер.

– Очень давно, – наклонил голову абориген. – Когда сознание, которое впоследствии стало человеком, было еще рассеяно по всем живым существам. Ну-ка, посвети на стену!

Осипов направил свет фонаря на то место, куда указывал Ной.

На стене был изображен шестиногий варан. Или – вуви. Зверь стоял на двух задних ногах, держа тело вертикально. Средней парой лап он как бы обхватывал свое тело. В передних лапах он держал: в одной – боевую дубинку нулла-нулла, в другой – мертвую водяную крысу. Морда вуви с оскаленными зубами и вытаращенными глазами и в самом деле была устрашающей. При

этом поза, которую занимала его фигура, была характерна для человека, а никак не для варана, поднявшегося на задние лапы. Да и вообще, способен ли варан встать на задние лапы? Хотя, конечно, это не варан, а вуви, от которого все можно ожидать... Надо же, такой здоровый, а погиб от лап каких-то там водяных крыс...

Осипов поймал себя на том, что думает о вуви не как о сказочном звере, а как о реальном существе, причем наделенном сознанием. Это был непорядок!

– Почему вуви стоит на задних лапах? – спросил Осипов.

– В те времена, когда сознание был рассеяно по всем живым существам, каждое из них было наполовину зверем, а наполовину человеком, – объяснил старик. – И каждое из них стремилось как можно больше походить на человека. Ради этого многие из них брали себе жен из других родов. Так и появились диковинные существа вроде утконоса, который наполовину зверь, а наполовину – птица.

Коснувшись двумя пальцами руки квестера, абориген заставил его перевести луч света чуть правее.

– А это – кутяара, человек-ящер.

Неподалеку от вуви, лицом к зрителям стоял человек. Вот только лицо у него отсутствовало. Оно было не стерто, а вовсе не нарисовано. Ноги человека без лица были прижаты одна к другой. Левую руку он держал, чуть отведя в сторону, согнутой в локте, ладонью вверх. А над ладонью парил большой зеленый шар.

– Надо же, старый знакомый! – сказал, остановившись напротив рисунка, Орсон. – Готов поспорить, это – Мастер Игры!

Глава 9

– Ты играл с кутяара? – недоверчиво посмотрел на англичанина Ной.
– Мы все порой этим занимаемся, – с напускной беспечностью изящно взмахнул кистью руки Орсон.

– Кутяара нельзя обыграть!

– Ну, этого я и не утверждал. Мы играли с ними, но... – Рассчитывая на помощь, Орсон бросил взгляд на Осипова. Но тот только едва заметно пожал плечами – он и сам не знал, что стоило говорить аборигену, а что – нет. – Скажем так, мы отложили партию в примерно равной позиции, – наконец нашел выход из положения биолог.

Не давая возможности Ною задать новый вопрос, Осипов сделал это сам:

– Вам известны правила Игры, в которую играют кутяара?

Старик насмешливо хмыкнул:

– У этой Игры нет правил.

– Как же тогда в нее играть? – спросил Орсон.

– А как ты это делал? – вопросом на вопрос ответил Ной.

– Туше! – улыбнувшись, вскинул руки англичанин.

– Эй! Что там у вас? – окликнул отставших Зунн, успевший уйти уже далеко вперед.

Орсон бросил взгляд назад. Наемники, прикрывающие тыл, с невозмутимым спокойствием ждали, когда они закончат болтать и двинутся дальше.

– Изучаем наскальную живопись аборигенов! – громко ответил англичанин.

– Идите сюда! – громко проскрипел Зунн. – Мы добрались до цели!

В той стороне, откуда доносился голос Генриха, вспыхнул яркий свет – подручные Зунна включили заранее установленные софиты.

Расстояние между стенами пещеры в этом месте достигало семи с половиной метров. Так что все могли удобно разместиться вокруг освещенного участка стены. Часть подручных Зунна прошли в глубь пещеры и замерли там в полумраке. Другие перекрыли проход со стороны входа. Освободившись от ноши, они теперь держали руки на оружии. Конечно, можно было подумать, что они сделали это неосознанно – просто нашли наиболее привычное положение для рук. Но с таким же успехом можно было предположить, что они получили приказ Зунна быть начеку. И сразу понятно становилось, почему Зунн не попросил Ноя выдать наемникам окоторо – чтобы руки зря не занимать.

Камохин с Брейгелем стояли в круге света, в шаге от стены. Камохин придерживал локтем приклад автомата. Брейгель перекинул автомат на грудь и положил на него кисти рук – вроде как тоже исключительно ради удобства. Но именно из такого положения он мог в один миг, едва заметным кистевым движением перевести автомат в рабочее положение и, если потребуется, открыть прицельный огонь. Камохин успел научить Брейгеля методике аборигенов держать окоторо губами. Так что руки у обоих были свободны. Рядом со стрелками пристроились двое молодых аборигенов, Лиам и Ксавьер. Сам Зунн стоял прямо напротив освещенного участка стены, сложив руки на груди, и довольно улыбался. Как будто то, что все сейчас могли лицезреть, было делом его сложенных на груди рук. А может быть, ему просто нравилось лицезреть всего в шаге от себя то, что далеко не каждому довелось увидеть хотя бы раз в жизни.

– Ну, да, конечно, – дважды коротко кивнул Орсон. – Собственно, ничего другого я и не ожидал увидеть.

По стене растекалось большое амебообразное, постоянно меняющее форму пятно аспидно-черного цвета. Такой глубокий, насыщенный и всепоглощающий черный цвет могла иметь разве что только сама Великая Пустота до того, как случился Большой Взрыв. В ней не

было даже крошечных звезд-иглочек, прокалывающих космическую бездну. За этой тьмой скрывалась бездна, в которой Нечто обращалось в Ничто. Пятно не отражало падающий на него свет и не рассеивало его – оно его полностью поглощало. От первого до последнего фотона.

– Черное Зеркало, – тихо, с благоговением, которого не смог растворить даже до неузнавания искажающий голос окоторо, произнес Ной.

– Ну, можно и так сказать, – согласился с аборигеном Осипов.

Говоря научным языком, перед ними во всей своей красе предстал пространственно-временной разлом, возникший в центре аномальной зоны, образование которой он спровоцировал.

Слева от разлома на стене был изображен стоящий на задних ногах шестиногий варан. На этот раз в передних лапах он держал не мертвую водяную крысу и не оружие, а квадратный предмет, напоминающий пакаль. По другую сторону от разлома были нарисованы двое «серых», или кутяара, как их называют аборигены. Над самым разломом, так что амeboобразные выросты тьмы едва не лизали им пятки, танцевали причудливый танец трое аборигенов с копьем, бумерангом и нулла-нулла в руках.

– Что было нарисовано на месте Черного Зеркала? – спросил у Ноя Осипов.

– Черное Зеркало, – ответил старик.

– Точно такое же черное пятно? – не поверил квестер.

– Верно, – кивнул абориген. – Большое черное пятно. Позади которого ничего нет.

– Вы хотите сказать, что те, кто наносил на стену этот рисунок, – Осипов протянул руку с растопыренными пальцами в сторону разлома, – знали, что многие века спустя здесь появится настоящее Черное Зеркало?

– Не знаю, – дернул плечами абориген. – Откуда я могу знать, что они знали, о чем только догадывались и зачем делали тот или иной рисунок? Это было давно. Задолго до моего рождения. Я знаю только, что здесь было нарисовано Черное Зеркало.

– Время Сновидений находится по ту сторону Черного Зеркала! – догадался Орсон. – Туда вы нас и собираетесь отвести?

Ной озадаченно пощипал двумя пальцами свою жиденькую бороденку.

– Не думаю, – сказал он. – Я никогда не бывал во Времени Сновидений, даже не видел его издали, но не думаю, что оно за Черным Зеркалом.

– Для чего же тогда мы сюда пришли?

– Черное Зеркало необходимо мне для того, чтобы совершить магический обряд.

– И что тогда? Откроется другой проход?

– Не знаю, – едва заметно качнул головой из стороны в сторону Ной. – Я никогда прежде такого не делал.

– Но вы точно знаете, что нужно сделать?

– Верно. Мне рассказывали об этом предки.

– Вы из семьи колдунов?

– Я не колдун, а мункумболе. Разница незначительная, но она есть. Колдун может вызывать дождь, лечить болезни или насылать проклятие. Мункумболе видит суть вещей и обладает способностью общаться с представителями иных миров.

– С духами мертвых?

– И с ними тоже. Именно духи предков рассказали мне, что нужно делать, чтобы увидеть Время Сновидений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.